

Р. ДАМИРОВ

В. ГУРОВ

БРАТ

Рафаэль Дамиров Валерий Гуров Брат

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70244662

Аннотация

В чем сила, брат? Попаданец из нашего времени очутился в 93-м! Народ скупает ножи Буша и спирт “Рояль“. В России процветает рэкет, коррупция и прочие радости той эпохи. Но герой не намерен прогибаться под жестокий мир и открывает охоту на бандитов...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	63
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Валерий Гуров, Рафаэль Дамиров Брат

Глава 1

– Друзья! – торжественно вещал хлыщеватого вида в зауженных моднявых штанишках и бабочке тамада. – А теперь давайте снова поднимем бокалы за виновника нашего торжества, Анатолия Сергеевича!

Подвыпившие гости одобрительно загудели. В банкетном зале зажегся свет, разгоняя с танцпола девиц с перекаченными губами и другими бессовестно выступающими из-под тугих платяиц частями тела. Минуту назад они бодро отжигали под «Лабутены», не забывая при этом беспрестанно селфить себя на фоне «праздника жизни».

За столиками их ждали пузатенькие дяденьки с хмельными глазками, с сединой и плешкой на голове. Куклы разбрелись по своим мусикам и дружно поддержали прозвучавший за меня тост, подхватив бокалы с шампанским.

Официанты в белых рубашках и черных жилетках напоминали худых дрессированных пингвинов. Они ловко сновали между рядами ломившихся от угощений столов, напол-

няя моим гостям фужеры.

– Толя! – кто-то заорал из зала. – Скажи ответочку!

– Лезь на бочку! – воодушевленно поддержали остальные присутствующие.

– Да-а! – визжали девицы так, будто были моими близкими друзьями, но большинство из них я впервые видел.

Может, кого-то и знал, но разве всех припомнишь. Мои партнеры и товарищи по бизнесу сегодня заявили с одними, а завтра с другими придут, вечно соревнуются у кого телка круче, что я их всех запоминать должен?

– Друзья! – я встал и кашлянул в кулак. – Спасибо, что пришли на мой юбилей! Но у меня для вас новость.

– О-о-о!.. – предвкушающее загудел нетрезвый улей.

– Толя, жги! – выкрикнул Иван Иваныч, самый возрастной воротила среди нас, но бухает за троих и вечно молодиться. Волосы красит, гоняет по городу спортивке-двухдверке и пиджачок нацепил белый по подростковому с разводами и приталенный. Не сходится он у него в пузе, но «Армани» блин.

– В общем... Поймите меня правильно, – в предвкушении реакции зала, я торжественно обвел присутствующих невинным взглядом агнца. – Я сегодня подписал договор о продаже своей компании.

Дзинь! – у кого-то выпал из руки бокал и разбился. А затем тишина повисла такая, что ее разглядеть можно было. Как густое молоко в воздухе парила. Даже девки перестали

хихикать, чуя неладное.

Тамада, на всякий случай, попятился к выходу, даже оставил меня наедине с его дорогим микрофоном, за который он вес вечер трясся.

– Как?! – наконец, почти одновременно выдохнуло несколько человек разом. – Это шутка?! У нас же с тобой контракты...

– Ты что творишь, дятел?! – выкрикнул Иван Иванович, окончательно разрубив тишину.

– Заткнись и послушай! – рявкнул я на него, и тут же миролюбиво и как ни в чем не бывало продолжил. – Вы, конечно, меня осуждаете, – улыбался я с микрофоном в руке. – Но признайтесь... На самом деле вы пришли не ко мне на день рождения. Для вас это очередной лживый визит никому ненужной вежливости. За вашими лицемерными улыбочками так и проглядывает мысль – как бы повыгоднее меня облопошить. Так?.. Я не вчера родился, все понимаю. В общем, я принял решение уйти, так сказать, на покой.

Изрек я сие с упоением, наслаждаюсь вытянутыми мордами моих бизнес-партнеров, которые до сих пор не оттяпали мне руку и часть бизнеса лишь потому, что у меня имелся отличный юрист и грамотный бухгалтер.

Но в последнее время как-то все настолько приелось, что захотелось вдруг послать все к чертям и смотаться на край света. Край света я уже присмотрел – домик на берегу нечерного моря вполне подходил под это дело. Нажитых финан-

сов хватит, до конца жизни можно не экономить. Еще детям останется, правда их у меня так и не появилось. Все работа, встречи, корпоративные пьянки и проходные бабы, ни одна из которых меня так и не зацепила. Зато я их цеплял – определено... Почему-то все курвы попадались мне страсть как на бабки падкие. Мои бабки...

Ну это все лирика, а вот бизнес я реально продал. На покой уйду, курочек заведу, книжки писать буду, благотворительностью займусь. Чем там еще на пенсии бизнесмены занимаются?

Хотя, вроде, нет у них пенсии как таковой. Да и вообще, считается, что настоящий бизнесмен никогда не продаст прибыльное дело, а будет его множить и расширять. Все правильно, вот только дело это не приносило больше ни радости, ни удовлетворения...

Сначала я радовался деньгам, недвижимости, а потом, когда ими насытился, захотелось вдруг чего-то другого. Человеческого... Только где это взять, когда вокруг тебя одни лицемерные ублюдки, которые только и думают, как тебя нагреть. Лишь только зазеваешься, потеряешь хватку, и нож в спину воткнут. Кинут и не поморщатся. Вот я и решил, так сказать, их первым кинуть. Ведь на моих поставках завязан их бизнес. Тесно так завязан. Без потерь не получится развязаться... Да и похрен! Живем один раз...

Тамада несмело взял у меня из рук микрофон. Его прическа а-ля Элвис теперь уже не топорщилась, а повисла без-

вольным гребешком.

– Уважаемые гости! – попробовал он разрядить обстановку. – Помните, зачем мы сегодня здесь собрались! Сегодня день рождения Анато...

Но уважаемые гости его вмиг освистали и закидали его апельсинами. Никто вдруг сразу не захотел вспоминать повод сегодняшнего праздника. Что и требовалась доказать – я был для них лишь выгодным и нужным человеком, не более.

А куда делись мои настоящие друзья? Как-то подрастерял их за свою бурную жизнь. Вот помню, в девяностых мы неразлей вода были. Брат за брата. Каждый друг за друга порвать был готов. А сейчас? Кто спился, кто в бизнесе погряз, у кого жена и дети, или вообще – ипотека... Вот если бы было можно, начать сначала...

– Слышь, Толян, – ко мне подошел Иван Иваныч и взял за пуговку на груди. – Ты это, не серчай... скажи, ты действительно продал компанию?

– Формально, нет еще, – хмыкнул я. – Сам понимаешь, с кондачка такие дела не делаются. – Завтра подпишу остальные бумаги и гуд бай.

– Завтра? – в глазах ушедшего воротила блеснул огонек. – Слушай, пойдем бухнем! А? Все-таки днюха у тебя.

– После пятидесяти не люблю днюхи отмечать, – я убрал его руку со своего плеча. – Прощай, Ваня... ищи другого лоха для своих мутных делишек.

– Зря ты так, – скривился тот. – Принял решение, даже

не посоветовался со старшими товарищами.

– За советом я к тебе приду, когда буду туалетную бумагу выбирать. Помягче, чтобы была, – капнул я ядом, намекая на недуг Иваныча, которого он страшно стеснялся. Оно и понятно, геморрой никто не хочет афишировать.

– Да я тебя, сука!.. – выдохнул тот, замахнувшись, но ударить не решился.

Зато я подхватил кисть Иваныча и вывернул ее. Тот послушно согнулся за своей рукой, но надо отдать должное – не завыл, а лишь заскрипел зубами.

– Не стоит Ваня... – я наклонился и прошептал ему на ухо. – Давай просто спокойно разойдемся. Я тебе на новый год открытку пришлю...

Краем глаза я уже видел, как к нам спешат мордovorоты Иваныча.

– Пусти-и... – наконец выдохнул он, уже не смог терпеть боль от заломленной руки.

– Прощай, – я оттолкнул его чуть от себя. – Жди открытки, короче...

Я развернулся и пошел прочь.

Иваныч что-то проскрежетал вслед. Что именно, я не слышал, но показалось, что-то вроде, мол, еще попробуй доживи до этого самого нового года...

Утро в моей квартире встретило меня улыбчивым солнышком, что протиснуло лучик в спальню, горячим кофе, и полуголой девушкой с грудью как у Памелы и попой, как у Лопес. Девушка кокетливо накинула мою рубашку, но от этого не перестала выглядеть менее эротичной.

– Привет, Маша, – сладко потянулся я, приподнимаясь на локте в постели и беря из ее рук чашку с кофе.

– Я Лиза, – уточнила «Памела-Лопес».

– А, да конечно... Просто я вчера был так пьян, что плохо помню. Мы же с тобой в клубе познакомились? Я туда сразу после корпоративна поехал.

– Нет... – покачала та головой. – На заправке. Ты ехал в такси, остановился сигарет купить. Я там заправлялась. Ты отпустил таксиста, и мы... Ты разве не помнишь? – надула она пухлые губки, отчего они стали похожими на куриную жопку.

– Да помню, конечно, – отмахнулся я. – Просто тебя проверял... Пошутил.

– Не смешно, – жеманно проговорила она, переступая на четвереньках по кровати ко мне. Выгнула спину, словно кошка.

– Э-э... Не сейчас, – пробормотал я отставив чашку с кофе на тумбочку. – У меня важная встреча, я уже опаздываю.

– Мур-р, – девушка медленно облизала свой ухоженный пальчики и скинула рубашку.

– А черт с этой встречей! – я выбрался из-под одеяла. – Подождут. Без меня все равно ничего не подпишут.

Схватив «кошку» за загривок, я притянул ее к себе, и мы завалились на кровать.

Через двадцать минут, наскоро нацепив джинсы и свитер (могу себе теперь позволить не ходить в неудобных костюмах) я уже стоял в пороге и давал последние наставления:

– Все! Я побежал, дверь захлопнешь, как будешь уходить. Лиза посмотрела украдкой в окно, будто ее заинтересовали дерущиеся воробьи на дереве, а потом кивнула:

– Хорошо...

Вот блин, понимает все, что любовь у нас приключилась не на всю жизнь. Адекватная... Даже не предложила телефонами обменяться. Хотя как-то странно. Айфон, ноготочки, реснички, ботекс и прочие вложения в ее тело выглядят дорогими и требуют на свое содержание явно немаленького бюджета. Соответственно, по закону жанра, она должна была попытаться меня заарканить.

Хм... А тут просто – «хорошо...». Может, тактика такая? Может, сказала так, а сама дождется меня в квартире, мол, сюрприз! Смотри, милый, какую я запеканку приготовила. Правда, курьер пока вез, чуть-чуть ей бочок подмял. Но это ничего, ведь нам сейчас не до запеканки будет...

Не знаю, вечером видно будет, а сейчас, хлопнув две-

рю, я уже спешил вниз по ступенькам. Из квартиры донесся приглушенный голос моей новой пассии. Она уже с кем-то трещала по телефону. Сказала, какую-то странную фразу, я не расслышал толком, да и не хотелось вникать. Голова и так трещит после вчерашнего, и сейчас у меня другая забота – сделка.

Ремонт в квартире у меня совсем не бюджетный. А вот дверь китайскую, я как-то не удосужился поменять. Слышно через нее все – как в подъезде сосед Петрович сморкается, и как собачонка на тараканьих ножках тьявкает, когда супружница Петровича ее гулять выводит.

С кем это Лиза уже переговоры ведет? Да неважно... Не до нее сейчас. Приду домой и разберусь. Если, конечно, она там еще будет. А сейчас финальный рывок – подписи, юрист, нотариус и все! Добби свободен!

С радостной мыслью я пикнул сигналкой. В ответ приветливо моргнул припаркованный во дворе черный, как воронье крыло, гелик. Я уселся на водительское сиденье, завел машину. Мотор приветственно заурчал, признав хозяина.

Нехорошее предчувствие вдруг зашевелило волоски на затылке. Я даже зачем-то пристегнулся, соображая, в чем же причина моей тревожности. Хотя обычно никогда не пристегивался. Услышанная мной фраза не давала покоя. Я прокрутил в памяти разговор Лизы, когда она бубнила уже из-за двери моей квартиры, напряг мозги, и эта фраза вдруг оформилась в слова. Теперь я понял, что она сказала! Твою

мать! Она сказала: «Он вышел...».

– Вот сука! – вырвалась моя последняя фраза в этой жизни.

Рука дернулась отстегнуть ремень безопасности, но не успела.

Ба-бах!!!

Мой верный гелик взлетел на воздух, а я почувствовал, как тело распадается на тысячи кусочков.

Что за бред?! Почему я еще чувствую?.. Говорят, душа бессмертна? Что ж... Проверим...

* * *

Вздрогнул. Заморгал. Вроде дышу. Фух, блин, живой...

Перед глазами, как будто выныривая из темной воды и заныривая обратно, мелькали какие-то люди. Чувство такое, как на первых секундах после выхода из наркоза. Все вокруг тянется, липкое такое, неоформленное.

– Ой! – я невольно вскрикнул.

Палец вдруг чем-то обожгло. Больно, бляха... Поднял руку и уставился на окурочек, зажатый между пальцами. «Прима» без фильтра оставила пятнышко ожога на слишком розовой для моего возраста коже. Несколько секунд пялился на сигарету, пытаюсь понять, откуда у меня эта допотопная чертова «Прима», если последние лет пятнадцать я курю исключительно любимый «Парламент». Боль от ожога вдруг

запульсировала с новой силой, и меня как будто выдернуло из-под толщи воды. Исчезла тягучесть, ускорилось время, а на голову обрушились звуки окружающего мира, который приобретал новые черты.

– Уважаемые пассажиры, поезд номер 382 Грозный – Москва прибыл на 1-й путь.

Первое, что я услышал, стал раскатистый голос из уличного динамика. Люди вокруг теперь сновали быстрее. Кто с чемоданами, кто с рюкзаками. Я находился на перроне рядом с урной, по левую руку стоял поезд с номером 382. Перевел взгляд на себя, на мне военная форма. Явно старого образца, оливкового цвета. Рядом на бетоне затертый пухлый рюкзак, судя по всему, тоже мой.

Ядрён-пистон! Ну и как я сюда попал?

В голове, каким-то хреном вдруг оформились воспоминания. Всплыли упрямые факты будто бы моей биографии. Меня зовут Владимир Данилов, на дворе 16 сентября 1993 года, мне двадцать лет. Позавчера я дембельнулся из военной части на Кавказе и прибыл по месту регистрации – в город Москва. Стою вот на Казанском таблом торгую.

Какого рожна? Данилов? Это даже не я... Все ясно! Сейчас я смотрю мультики под препаратами в больничке. Ну, хоть живой, и на том спасибо. Рефлекторно ощупал себя. Под ладонями ощущалась твердь молодых мышц. Что ж, пока «сплю», совсем не против в таком обличье побыть. Не развалина какая-нибудь. В теле легкость, спина не ноет и ко-

ленки не скрипят. Капец как непривычно. Помотал головой, шея тоже не хрустит, а в глазах ясность. Судя по всему, зрение стопроцентное.

– Молодой человек, документики?

Передо мной выросли патрульные. Двое из ларца, в форме не полиции, а в мышинового цвета милицейской. Предположу, что привлек стражей правопорядка мой отстраненно-блаженный вид. Пока все пассажиры текли одним потоком к выходу из вокзала, я замер возле урны и никуда не спешил, тупо на свои руки пялился с видом Форреста Гампа.

– Вы слышите? Документики говорю, покажите, – сержант грозно сверкнул на меня кокардой.

Моя рука сама потянулась в карман, знает дорогу. Оттуда появились документы – паспорт и военный билет со вставленными в него учеткой и предписанием. На автомате сунул их сержантику. Тот начал внимательно листать, косясь на меня. Второй мент, с пустыми погонами, достал пачку «Нашей Марки».

– Огонька не найдется?

– Пожалуйста, – я ответил голосом, который слышал впервые.

Но почему-то не удивился. Сон ведь, всякое бывает. Вытащил из другого кармана спичечный коробок. Обратил внимание, что на коробке был отпечатан портрет девчонки с текстом «ПОМОГИТЕ НАЙТИ». Симпатичная такая девчонка... Патрульный подкурил и как ни в чем не бывало спички

в свой карман сунул.

– Спички на базу, – среагировал я.

– А, точно, они ж твои, – мент, пыхтя «маркой» и ухмыляясь, протянул мне коробок.

Его напарник продолжал копаться в документах.

– Что ищешь, командир? Может подсказать? – поторопил я его, переступая с ноги на ногу и свыкаясь с новым телом.

– Да так, – откликнулся сержант. – Что-то никак не пойму, где служил солдатик?

– Майкоп, 131 омсбр, звание младший сержант, – отчеканил я. – Разведрота, комбриг наш – Чирков Виктор Петрович.

Выдал я и сам себе удивился. Будто во мне жил другой человек, с другими знаниями.

– Ингушей и осетин успокаивал?

– Так точно.

– Наслышан, да...

Память услужливо подсказала, что тот, в чьем обличье я сейчас нахожусь, принимал участие, будучи срочником, в военном урегулировании осетино-ингушского конфликта осенью 1992 года.

– А что за медалька у тебя такая? – второй мент уставился на мою грудь, где действительно висела медаль. – За отличие в воинской службе... м-м-м... Вовремя ты оттуда дернул, слышал, что чеченцы вооружаются, ой нехорошо это кончится, – сержант, закончив ознакамливаться с моей характери-

стикой, выданной в военной части, вернул мне документы.

– Будто у нас здесь все хорошо, ага, в курсе, что дедушка творит? – хмыкнул второй «без погонов», докуривая «марку» до самого фильтра. – Дурдом какой-то...

Сержант зыркнул на своего напарника, тот сразу прикусил язык.

– С возвращением! – сержант отдал воинское приветствие, и патрульные зашагали по перрону дальше в сторону кучки цыган.

Узнаваемая башенка Казанского вокзала играла в лучах осеннего солнца. Вокруг народ торопится, спешит. Люди одеты, как на картошку – цветастое китайское вперемешку с серым текстилем ушедшей эпохи. Ух... Неужели и прям в девяностых я?

Наверное, предыдущий Владимир Данилов мог быть не в курсе происходящего. Для меня же события сентября 1993 года все еще были свежи в воспоминания, как будто это случилось вчера. Ельцин в эти дни старался сосредоточить в своих руках власть и вступил в конфликт с Верховным Советом и Руцким. В стране действительно происходил дурдом, и это еще мягко сказано, а я попал в его кульминацию. Теперь, почему-то происходящее не казалось мне сном. А что же это на хрен тогда такое?..

Такая четкая картинка вокруг. Говорят, во сне невозможно разглядеть собственные ладони, а тут каждую морщинку вижу. Я все еще туго соображал, хотя мысли начали разго-

няться. Закурил еще одну сигаретку, взял рюкзак и медленно поплелся в сторону выхода из вокзала. Ноги еще не совсем слушались, будто бухали вчера на пару со мной на юбилее. Роста Владимир Данилов оказался повыше среднего. Телосложением не дрищ, но и не бугай, подтянутый такой. Мышцы не дохлые, ведь тяжеленный рюкзак на горбу не доставлял особых неудобств. Уже одно это радовало, что базовый «набор выживальщика» при мне. И почему я так спокоен? Видно, стадия «отрицания» еще не настала.

Времени было 10 утра, как показывали часы на стене, завтрак, судя по урчанию в животе, я пропустил. Молодой организм бунтовал, настойчиво требовал подпитки. Мысли роились в голове и не хотели укладываться в единую картинку – как так-то, почему я не умер, я точно помню, как взлетел на воздух. Почему оказался в прошлом и за какие такие заслуги получил тело молодого пацана, у которого впереди вся жизнь.

Но раз дали – заслужил, значит. Шанс получил, так сказать. А это ведь мой даже не второй шанс, а третий. Второй был тоже, когда я чуть не погиб во время боевого столкновения в составе... 131 майкопской бригады. Много-много лет назад. Тоже 90-е, тоже Кавказ. Выходит, служили мы почти одновременно там, но никакого Владимира Данилова я признать не припоминал, хотя далеко не каждого срочника награждали медалями, а с ребятами из разведроты приходилось плотно общаться.

Вспомнил, как когда я в этом же 1993 году колебался уходить или нет из армии. До майора дорос, жалко как-то было службу бросать и остался, думал хоть что-то изменится – неа, не изменилось... А сейчас дембельнулся вот срочником. В этой новой жизни, раз уж так распорядилась судьба, я не собирался больше наступать на старые грабли. Это же новая жизнь, ведь так?

Вокзал встретил бронзовой статуей Ильича и табло с информацией:

«Уважаемые пассажиры!
За лишний вес ручной клади
вы можете заплатить
в 5-ом справочном зале».

Народ роился и толкался, как в муравейник попал. Люди сновали туда-сюда, будто бесцельно и не понимая зачем. На лицах читалась уныние – спокойствие и стабильность советского времени исчезла раз и навсегда. Только у тех, кто моложе, наоборот – в их глазах я видел блеск и азарт. Люди устраивали себе «оазисы», складывая вещи на коричневой-желтой плитке, и сидели или лежали прямо на них, сжигая время, которого было навалом. Бросалось в глаза большое количество бездомных, распластавшихся прямо на полу или на картонке. Проходящие мимо менты их не трогали. То ли не хотели руки пачкать, то ли настолько привычной была такая картина.

Я проголодался, поэтому первым делом пошел в вокзаль-

ную столовую. У кассы стояло несколько усатых мужиков, правда не знаю, что они здесь рассчитывали купить, разве что пообщаться с миловидной кассиршей в белом халатике. Витрины зияли пустотой, грустно поблескивая металлическим дном. Я прошел к кассе, увидел старые деревянные счета, да тарелку накромсанной большими кусками любительской колбасы. Жрать было совершенно нечего, а колбаса, возле которой кружились мухи, доверия не внушала.

Рисковать и есть «это» не стал, хотя один из усатых мужиков попросил взвесить себе пару кусков. Продавщица без всяких перчаток, взяла валявшуюся на прилавке вилку, ткнула ей в колбасу, разогнав мух, и взвесила еду на громоздких синих весах. Когда назвала сумму, мужик поскреб макушку и взял только один кусок, а кассирша, ничуть не смутившись, закинула продырявленный вилкой лишний кусок обратно.

Задерживаться в столовой не стал. Память работала выборочно, хотя воспоминания этого тела крупинка по крупинке восстанавливались, как будто в голове шла загрузка новой программы. Вспомнилось, что у прежнего «жильца», то есть теперь у меня, есть брат в Москве, а родители умерли еще в юношеские годы. Жизнь у Володи, то есть у меня теперешнего, складывалась не сахар – работал с четырнадцати лет, учеба в вечерней школе, следом армия и участие в военном конфликте. В армии предложили остаться, но Володя отказался, решил себя попробовать в новом мире на руинах Со-

ветского Союза. На дембель ему, а теперь уже мне, выдали отличную характеристику, вот только теперь такая характеристика была на хрен никому не нужна.

Что же... Руки-ноги целы, голова в порядке, а вся жизнь впереди. Путь для Данилова в момент моего появления в этом теле только начинался, и предстоит его пройти мне. Вот только, я был другой. Совсем. Чувства от этого нового-старого мира, такого знакомого и чужого одновременно, были смешанные. С одной стороны, я теперь молод, а с другой оказался в самой жопе. Страна выживала, в воздухе витала атмосфера безденежья и депрессии.

Прорвемся...

Глава 2

Не оставляя надежды набить желудок, я вышел из вокзала. Людей на площади было ничуть не меньше, чем внутри. Колорит добавляли многочисленные тянущиеся вдоль стен здания торговые точки. Народ, кто на раскладушках, кто на картонках, растеленных прямо на асфальте, торговал всякой всячиной, образуя стихийный блошиный рынок. И прохожие ведь реально интересовались значками, монетками и прочими финтифлюшками. Спрашивали, но покупали редко...

Двух мордovorотов в майках, заправленных в спортивные штаны, я заметил сразу. Однозначно, братки – морды кирпичом, взгляд наглый, будто все должны им. Идут жвачкой чавкают, пузыри надувают. Шли они вдоль вокзала, останавливаясь возле каждой торговой точки и не скрываясь рубили бабки с продавцов. Торгаши вздыхали и безропотно передавали часть выручки бандитам. Вопросов ни у кого не возникало – такие вот новые налоги следовало платить.

Пока оглядывался, братки подошли к сгорбленному пенсионеру, который стоял возле меня, как раз торговал подобной мелочевкой на складном стуле. Он пришел совсем недавно, судя по тому, что только раскладывался.

– Слышь, дед, за место плати, – заявил один из бандитов.

– Ребята, так я еще ничего не наторговал, ... не идет сегодня.

– Меня как колышет чужое горе? Бабки говорю на базу.

Бандит взял со стула деда бюст Ленина в миниатюре, который тот успел выложить первым. Подкинул в руке. Швырнул своему корешу, который этого явно не ожидал. Но все же поймал, едва Ильича не уронив. Оба заржали.

– Ребята не надо, разобьете, – попытался остановить братков пенсионер.

– Как не надо, а дед? Вот так? Опа! – второй бандит подкинул миниатюру вождя и резко убрал руку.

Бюст упал на асфальт и у Ленина откололся нос... Фигурка подкатилась к моим ногам. Я его поднял, повертел – товарный вид вещица утратила. Вот козлы, прессуют дедка.

– Короче, пенсия, на обратном пути как будем идти, зайдем за бабками. Бабок не будет, – бандит ударил кулаком в ладонь. – Пеняй на себя.

С этими словами, рэкетирсы развернулись, хотели к следующему торгашу подойти, но чуть не столкнулись со мной.

– О! Ни хрена себе, у нас тут военные... че встал, пройди дай, а то у тебя с носом тоже самое приключиться, – браток кивнул на миниатюру в моих руках.

– Ребят, вы бы старика не трогали, у самих же есть отцы, – я крепче сжал Ленина.

– Вали отсюда, – выпучил глаза один из бандитов. – Пока у меня настроение хорошее.

Я промолчал. Сильнее стиснул фигурку уже мысленно примеряя ее к темечку ближайшего уroda. Ничего не стоило

проломить этому мерзавцу башку гипсовым Ильичом и на хрен его тут положить. И я так бы и сделал, но из-за поворота выглянули двое патрульных. Рефлекторно спрятал фигурку за спину и выдохнул... Не сейчас. Бандит, довольный собой, пошел дальше, задев меня жестко плечом. Дед, перепуганный наблюдал за нами со стороны. Я подошел к нему, показал Ленина.

– Почем вождь?

– П-пять тысяч за него хотел, но кому теперь он такой нужен, – вздохнул старик.

Я повертел бюст. Сунул руку в карман, где у меня лежали деньги после дембеля. Достал несколько смятых купюр – тоже, кстати, придется разбираться с тем, сколько сейчас стоят эти бумажки. Цены в 1993 году взлетали как ракеты с Байконура.

– Мне нужен, – пожал я плечами. – Раз никому теперь до Ленина дела нет. Коммунист я, отец, понимаешь?

Дед внимательно посмотрел на деньги, головой замотал.

– Не надо пацан, не лезь, у тебя вся жизнь впереди. Еще погеройствуешь.

– Так жизнь, дед, надо прожить так, чтобы не стыдно было. Бывай, отец.

Я улыбнулся, положил деньги на прилавок, там было больше, чем нужно. И подкидывая бюст Ленина в руке пошел дальше.

– Пирожки, беляши, чебуреки! – кричала толстая женщи-

на, грохоча угловатой тележкой.

– Горячая кукуруза! – подпевал мужик тоже с тележкой, на которой стояла обернутая тканью кастрюля.

Я сначала хотел подойти к женщине, но заметил вывеску пельменной. Туда зашли те самые два сотрудника милиции, явно перекусить. Если я не хотел травануться – надо идти в эту пельменную, местные знали самые лучшие места. Меню где попало жрать не будут.

– Парень! – окликнули меня.

Я обернулся и увидел, что дед бежит ко мне, бросив свой товар.

– Ты сдачу забыл, бюст же пять тысяч стоит... – запыханный, он протянул мне сморщенную ладонь с деньгами.

– Не надо, я отвел его руку.

– Тебе как хоть зовут? Спасибо хоть сказать.

– Володя.

– Спасибо тебе Володя... дай бог тебе ангела хранителя, – подрагивающей рукой дед меня перекрестил, в его глазах блеснули слезы. – А говорят молодежь никудышная пошла. Врут люди.

Я зашел в пельменную. Почти все столики заняты. Во всем зале я нашел единственное свободное место, которое пустовало потому, что за ним ютился бездомный в синей шапочке-петушке и рваной синтепоновой куртке. Слишком теплый, для такой погоды. В Москве почти жара стоит, бабье лето во всей красе. Бездомный жевал хлебную корку, наду-

вая щеки, и обсасывая пальцы беззубым ртом. Рядом с ним ни души, карантинная зона прям.

Боковым зрением я заметил, как два зашедших мента, уже успевших сделать заказ и занять столик, разговаривают с подошедшей кассиршей. Та тыкала пальцем на бездомного. Понятно, кому понравится, что вокзальный бомжара распугивает посетителей. Многие, зашедшие вслед за мной, видя, что в зале нет других мест, попросту разворачивались и уходили. Один из ментов оторвался от еды и, ковыряясь спичкой в зубах, направился к бомжу.

Я пошел к прилавку, чтобы заказать пельменей. Взял порцию, продолжая наблюдать за тем, как развивались события дальше. Бездомный вжался в стул, когда к нему подошел патрульный. И, судя по всему, выходить не хотел.

– Ваши пельмени и чай, – окликнула меня кассирша.

– Спасибо большое, – кивнул я.

Взял тарелку и стакан, двинулся к одному из пустых столиков рядом с бомжом.

– Я тебя сейчас в обезьянник отвезу, – угрожал мент.

– За что? – будто бы недоумевал бомж, хотя все он прекрасно понимал. – Я ведь только зашел поесть.

– Мне сказали, что ты ничего не покупал.

– Ну как же...

– Давай на выход, – мент оторвал, спичку в другой угол рта перегнал.

Брезгливо попытался поднять мужичка за шиворот, что-

бы выпереть из зала, когда я поставил тарелку с пельменями на стол.

– Не занято, отец?

Мужик замотал головой. Я поставил свою сумку рядом со столиком, ощущая ноздрями терпкий «аромат». Пахло как от бездомной собаки и старого подъезда одновременно. Стакан подвинул к бездомному. Посмотрел на мента:

– Товарищ старшина – этот гражданин чай купил. Дай человеку спокойно поесть, ладно? – как можно более спокойней проговорил я.

Мент зыркнул на меня, но возражать не стал, поняв, что ему не придется марать руки о бездомного. И вроде как повод отвять появился, пусть и формальный.

– Приятного аппетита, – буркнул он.

С этими словами он вернулся за свой стол, что-то сказав наблюдавшей за нами кассирше. Я молча начал есть. Следовало хорошенько поразмыслить, что делать дальше. Некоторое время бездомный за мной наблюдал.

Потом вытащил из-за пазухи пузырь, воровато огляделся и, откупорив пробку спешно приложился к горлышку, выпив все до дна. Я почувствовал резкий запах спирта, перебивший другие зловония.

– Земляк, а на похмелиться не найдется копеечка, тошно так жить, горе синькой запиваю, а спиртыга кончилась, – просипел бомж.

– Не, мужик, на бухло я денег не даю. Чай пей.

– Пошел ты... – зло так ответил тот, как будто я у него последнюю краюшку хлеба забрал.

Встал из-за стола собрал под ним свои скудные пожитки и поковылял к выходу. До чая он так и не притронулся. Я пожал плечами, подвинул стакан обратно себе, чего добру пропадать.

Что делать дальше?

Денег с дембельских осталось еще на разок поесть, на утро мне уже будет не на что жрать. Но, прежде чем настанет утро, следовало найти место, где можно бросить кости. Я вспомнил, что у Володи была московская прописка. В первую очередь я мог навеститься к родне и попытаться закрыть жилищный вопрос, хотя бы на время. У бывшего владельца этого тела в столице жил старший брат. И прописан я у него был. Я пока не мог вспомнить, чем родственничек занимается, и в каких отношениях с младшим, но особо других вариантов не виделось. Тем более память подсказывала, что Володя до призыва жил именно на хате брательника.

Доев пельмени и запив их чаем, я достал паспорт, пролистал до места прописки и прочитал нужный мне адрес.

* * *

Я машинально сунул руку в карман: может, кто-нибудь написал мне в мессенджер, и это хоть немного прояснит ситуацию? Ну или что-то в новостях на эту тему появилось... Ру-

ка нащупала пустоту. «Ну да, ну да», – пронеслось в голове. «Мессенджер, смартфон и 4G в 1993 году. Молодец! Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Надо бы как-то повнимательнее, а то так и спалиться недолго. Спросишь где-нибудь зарядку или пароль от вай-фая – и привет».

До места решил идти пешком, продолжая переваривать ситуацию, в которой оказался. Нужно было срастись с этим городом, чтобы ненароком не выдать время, из которого я прибыл. Конечно, вспомнить годы своего детства проще, чем подстроиться под какой-нибудь семнадцатый век, но все-таки... Эх, да чего греха таить: я тоже иногда ностальгически мечтал вернуться в прошлое, но мне и в голову не приходило, что это произойдет вот так! Какую-то кривую машину времени изобрели.

Я твердо решил не выдавать себя и даже при доверительных разговорах (если такие будут происходить) не рассказывать свою историю. Во-первых, действительно могут забрать. Оно, конечно, время беспредельщиков – болтай чего хочешь, но осторожность никогда не помешает: кто его знает, что у твоих случайных собеседников на уме? А во-вторых, я пока не понимал, как можно было бы использовать произошедшее с пользой для себя. Наверное, несколько желтых газетенок могли бы зацепиться за мои рассказы и заплатить мне гонорары. Возможно, даже хорошие. Но через пару недель они бы обо мне забыли, гонорары кончились, и я снова остался бы в чужом времени без денег, без знакомых,

зато с узнаваемой внешностью и репутацией сумасшедшего. Не-не-не, такого счастья нам не надо.

Вдруг мой взгляд зацепился за огромный стяг: «15 сентября, Лужники – Майкл Джексон». Я даже головой потряс от удивления – это же, получается, было вчера! Не могу сказать, что я фанат Джексона, но вот к тому, что я теперь живу тридцатью годами раньше, похоже, придется привыкать еще долго. Странно знать, что человек давно умер – и в то же время понимать, что он еще несколько часов назад был здесь и выступал перед огромной толпой. Тут у любого крыша съедет.

Я шел по столичным улицам, задумчиво швыряя ногами листья и мусор, валявшийся на асфальте. Со стороны, наверное, я выглядел как праздный турист, который впервые в жизни приехал из своей глубинки в мегаполис и не может поверить, что все это он видит не по телевизору. Москва начала 90-х казалась мне знакомой и незнакомой одновременно. Вроде бы я хорошо знал центр города и безошибочно угадывал, на какой перекресток сейчас выйду. Но в то же время вид этих улиц был непривычен. Когда случайно видишь фотографии прошлых лет, впечатления не настолько сильны: взгляд цепляется за знакомое и упускает разные детали. А вот теперь я сам иду по родному городу в прошлом и хорошо вижу в том числе и то, что фотографы обычно стараются в кадр не брать. Впечатление, как будто попал в чужой город и внезапно наткнулся на похожий район: вроде бы по-

хоже, а вроде и не очень.

А вот и Кремль виднеется, кстати. Хоть что-то осталось неизменным и выглядит привычно. Мне даже начало казаться, что все это было временным помутнением сознания. Точно же! Ну какие, к чертям, путешествия во времени? Тоже мне, голливудский блокбастер! Пить надо меньше, вот и все! Я с облегчением засмеялся, но уже в следующую секунду непроизвольно повернул голову назад – растяжка с Джексоном была на месте.

«Хрен тебе, Толя... то есть Вова», – усмехнулся я про себя. «Привыкай. Это не страшный сон и никуда не уйдет. Теперь ты – в другом времени, в другом теле, с другой биографией. Спасибо, что хоть город и страна остались теми же, могли ведь и здесь случиться сюрпризы. А поскольку то, как ты здесь оказался, ты даже под страхом смерти рассказать не сможешь, то и о том, чтобы вернуться в свое время, мечтать нечего. Да и куда возвращаться, если ты там погиб? На своих похоронах себя же помянуть? Так что придется обустроиваться здесь – благо, память парня, в чье тело ты вселился, тоже при тебе, может, с ней полегче будет или брат на какую мысль наведет, тоже будет неплохо. Надо думать о том, что делать. Ну и вообще планы на жизнь прикинуть бы неплохо».

Вообще, мое состояние было реально странным. С одной стороны, меня радовало мое новое молодое тело. О такой упругости, подвижности и дикой энергии я уже успел забыть,

и теперь наслаждался этими ощущениями, как будто много месяцев передвигался в гипсе на костылях, и вот наконец мне сообщили, что я выздоровел и теперь можно без них. Шутка ли – я прошел уже, наверное, километров семь и даже не заметил, как! С другой стороны, ощущения тела были едва ли не единственным, что меня радовало: по всем остальным фронтам я объективно находился в полной жопе без малейшего понимания, где искать из нее выход. Хотя если посмотреть с третьей стороны, это и неудивительно: можно подумать, я каждый день путешествую на несколько десятков лет назад и обратно.

Я направился в сторону Тверской. Внезапно из размышлений меня вырвало скандирование какой-то толпы:

– Ешь ананасы, рябчиков жуй! День твой последний приходит, буржуй!

Я повернул голову и увидел несколько десятков пенсионеров. Вооружившись плакатами и красными флагами, они стояли на тротуаре с самым решительным видом. Мне стало их жаль. Они реально думают, что митингами можно что-то поменять. Их внешний вид – как и их представления о жизни – резко контрастировали с окружающей реальностью. Для них невозможно было принять резкие перемены, произошедшие в стране, а уж то, что их прежняя жизнь больше никогда не вернется – тем более (уж я-то сейчас мог их понять, как никто другой). Наверное, если бы я был подростком, то такие крайние проявления несогласия с течени-

ем времени меня бы раздражали или вызывали насмешку. Да и некоторые из них, честно говоря, действительно выглядели почти карикатурно – особенно на фоне красочных рекламных плакатов, манящих в безбедную и беззаботную жизнь. Но теперь я на своем опыте знал, что такое резкие кардинальные перемены, а кроме того, я помнил и то, что произойдет в последующие годы – и ни высмеивать, ни ругать их мне совсем не хотелось.

Идя по Тверской, я то и дело замечал вульгарно раскрашенных и так же одетых девиц, которые подбегали к останавливающимся возле них машинам. Елки-палки, я же совсем забыл, что в 90-е Тверская славилась как улица для желающих платной любви! «Что же ты с собой делаешь-то, дуруха», – подумал я, наблюдая, как очередная «работница» воробьем вспорхнула к подъехавшей иномарке. Она была совсем юной – я даже сомневаюсь, что ей было хотя бы восемнадцать. Тонны макияжа на почти еще детском лице, мини-юбка и яркая майка на этой крошечной фигурке смотрелись не менее нелепо, чем попытки этой девчонки вести себя «как взрослые». Так иногда ребенок одевается в платье мамы и красится ее косметикой, крутясь перед зеркалом и воображая себя поп-звездой.

Только эта игра была совсем не детской и намного более жестокой. Видимо, разговор с потенциальными клиентами принимал не слишком благоприятный оборот: девчонка явно отказывалась садиться в эту машину, а кто-то с пассажир-

ского сиденья пытался ее туда затащить. От стоявшей неподалеку компании угрюмых качков в спортивных костюмах отделился один, который подошел к машине и начал недовольно выяснять, что происходит. В воздухе запахло «конкретной разборкой».

Все это было до того противно, что у меня даже появился порыв отбить девчонку у «покупателей» и «хозяев» и увести с собой. Я – молодой, крепкий, парочку противников уложить смогу, бегаю теперь быстро (она наверняка тоже)... Но я вовремя остановил себя от этой авантюры. Во-первых, неподалеку стояли те самые «быки», которые явно следили за своими «телочками». А связываться с бандитской группировкой в моей ситуации было практически самоубийством.

Во-вторых: ну, допустим, мы бы убежали, да еще так, что нас не догнали бы (фантастика, конечно, но вдруг). Что дальше? Что мог предложить этой дурочке «спаситель», которого самого впору спасать? На панель вряд ли идут от хорошей жизни, так что либо эти девчонки – из неблагополучных семей, либо посаженные на наркоту. Еще как вариант, они оказались в совсем безвыходной ситуации. И тут – я: без дома, без денег и вообще в подвешенном состоянии. Супергерой нашелся! Да она первая бы меня и сдала своей «крыше»! Нет, все-таки пересмотрел я в студенчестве фильмов с хеппи-эндом...

Пройдя Тверскую, я начал прикидывать первые варианты дальнейшего развития собственной жизни. Вариантов виде-

лось не так много, как хотелось. Может, устроиться в найм на первых порах? Парень я крепкий, зависимостей и проблем со здоровьем вроде нет. Уж грузчиком или в службу охраны, по идее, должны взять. Но, во-первых, найм – это последнее, что я рассматривал, имея в виду соотношение усилий и оплаты (а тем более в 90-е годы, когда кинуть ближнего считалось чуть ли не доблестью). Во-вторых, в ту же охрану серьезные конторы кого попало не брали. Они там все связаны либо с силовиками, либо с бандитами. Рано или поздно какие-то несоответствия во мне выплывут на поверхность, и что тогда? Нет, найм отпадает. Конечно, если уж совсем припрет – пойдешь куда угодно, но пока что нужно подумать еще.

Вспомнился мой кабинет в 2020-х. Там на любой вопрос у меня был под боком интернет и пара проверенных помощников. Если бы даже я засомневался в собственной адекватности, мне бы мигом нашли специалиста, который сказал бы, что происходит и что с этим делать. А теперь мне даже посоветоваться не с кем. Да что там посоветоваться – такие случаи вообще только в кино встречались. Но там все складывалось удивительно гладко. Мне бы так.

Чем ближе к адресу я подходил, тем больше вопросов у меня возникало. Брат то брат, вроде как родной. Только как я с ним разговаривать-то буду? Это ведь будет фактически мое первое долгое общение с кем-то после... «переезда». Как начну путать свои воспоминания «из будущего» с вос-

поминаниями этого Вовы – как бы Сергей чего-то не заподозрил. Хотя... чересчур накручивать тоже не надо. Родной брат из армии вернулся – тут не до расследований! Наверняка стол накроет, выпьем, расскажу пару армейских баек, начну его спрашивать, как тут на гражданке – а там, глядишь, уже и ночь.

К тому же, когда я уходил в армию, брат вроде бы собирался жениться. А если у тебя под боком молодая и любимая жена, с которой вы живете не так давно, то внимательность к деталям притупляется. Не до бдительности, прямо скажем. Ну и потом, лучше всего сделать вид, что тебе не до рассказов: сейчас слишком устал и нужно выспаться, а завтра – не терпится влиться в обычную жизнь, не хочется сидеть на шее у брата, поэтому Сережа, не подскажешь ли каких-нибудь идей насчет работы? Вроде бы правдоподобно.

Ладно, разберемся по ходу. Больше все равно никаких вариантов нет.

Глава 3

16 сентября 1993 года

Да, после нашего обилия заборов и дверей с домофонами открытые настежь облупленные подъезды смотрятся так, как будто пришел к заброшке! А ведь когда-то я жил в таком же доме, выбегал во двор к друзьям из такого же подъезда...

Я присел на лавочку во дворе и закурил – Вова (который настоящий), видать, был запасливым и припрятал в форме пару сигарет и спички. Перед глазами поплыли воспоминания. Вот я наскоро одеваюсь, кричу «Мам, я гулять!» и выбегаю во двор, там уже собрались все пацаны со всех подъездов. Мы быстро договариваемся, во что играем сегодня – кто будет героем, кто бандитом – и разбегаемся по двору. Время от времени чья-нибудь мама или бабушка выдергивает из толпы кого-то из нас: опять расквасил нос или порвал шорты, «отец днями и ночами вкалывает, чтобы тебе что-то купить, а ты»... И не было обиднее наказания, чем быть уведенным домой в самый разгар игры. Что ни говори, а было весело. С некоторыми парнями из того двора я потом поддерживал связь до самой своей гибели. Все-таки дворовая дружба – это что-то особенное.

Игры, машинки, догонялки, первые драки, разбитые колени – все это было как будто вчера. А интересно, кста-

ти, если мне отправиться по своему домашнему адресу, смогу ли я увидеть «живьем» себя в молодости? От этой мысли я даже вздрогнул и чуть не обжегся бычком – сам не заметил, как сигарета кончилась. Хватит сидеть и фантазировать, надо идти. Со своим родственником знакомиться.

Подъезд ударил в нос смесью запахов мочи, перегара и крысиных хвостов. На лестнице на каждом шагу встречались то пустые бутылки, то окурки, то какие-то бумажки, а то и использованные шприцы. «Главное, не наступить на иглу», – вспомнил я давнее правило, «не дай бог через подошву в ногу войдет – кто их знает, чем они там болеют». С осторожностью переступая через этот мусор, я поднялся на нужный этаж, отыскал «свою» дверь и нажал на звонок. Кажется, здесь. Послышалось недовольное кряхтение – «кого там еще несет?» и дверь со скрипом открылась.

– Вам кого? – Мужик в старых вытянутых трениках и застиранной майке, видимо, не был расположен встречать гостей.

– Здорово, дядя, здесь живет Сергей Данилов? – спросил я как можно спокойнее.

То, что он не мой родственник, я сразу понял. Сам не знаю как. Да и на брата явно непохож.

– Нет здесь таких, – пробурчал мужик.

– Но я же помню, что...

– Слушай, парень, я не знаю, что ты помнишь. Я отсыпаюсь перед ночной сменой, только жену к матери спрова-

дил – теперь ты меня достать решил. Сказал же – нет здесь никаких Даниловых. Тебе, наверно, адрес неправильный дали или ты сам что-то перепутал. Иди куда шел, – мужик захлопнул дверь, ясно давая понять, что аудиенция окончена.

Вот это да. Сказать, что я был обескуражен – ничего не сказать. Может быть, подвела память? Но это вряд ли – я шел сюда так же уверенно, как всегда, шел к себе домой. Кажется, и с закрытыми глазами бы дорогу нашел. Но даже если я перепутал квартиру – этот мужик явно не знает никаких Даниловых. А это уже более чем странно. Соседи в то время еще всю общались друг с другом и уж точно поняли бы, о ком речь, если бы их спросили о жильце их дома.

Или что-то в системе измерений во вселенной окончательно поломалось, и я попал в одно время, а дом вместе с жителями – в другое? Нет, это уже совсем бред какой-то, так действительно до психушки недалеко. «Бред, говоришь? А то, что ты погиб в 2023 году, а воскрес в чужом теле в 1993 – не бред? Тем не менее это у тебя почему-то сомнений не вызывает» – не успокаивался внутренний голос, когда я медленно выходил из подъезда, пытаюсь осмыслить происходящее.

– Вовка! Вовка, блин, ты вернулся! Живой!

Я поднял голову и увидел невысокого усатого мужичка с доверху набитой авоськой, улыбающегося во весь рот. Несколько золотых зубов так блестели на солнце, что я на секунду зажмурился. Он знает Данилова, что ли?

– Здравсте, – неуверенно произнес я, пытаюсь выковырять из памяти его пронырливую рожицу.

– Привет, привет! – мужик схватил меня за локоть. – Давай рассказывай, как ты там! А мне говорили, что ты воюешь где-то в горячих точках! Чуть ли не в госпитале лежишь! Я думаю: ну все, попал наш Вовка-то в переплет! А ты вон живой и здоровый! Брехали, значит! – дядьку явно переполняли эмоции. – Ну что, как ты теперь, куда? Ух, какой-ты стал! А был то, шея как у куренка, а шас мужик прям!

– Да я вот к брату решил пока, осмотрюсь, а там видно будет...

– А-а, значит, ты не знаешь, – мужик помрачнел и замолчал. – Ты это... давай присядем, что ли.

Мы присели на ту же лавочку, на которой я десять минут назад вспоминал дворовые игры. Мужик суетливо закурил и уставился куда-то вдаль.

– Ну так что с Сергеем-то? – не выдержал я. – Он переехал, что ли, пока я служил? Тогда почему ничего не написал? – я решил, что если добавлять в разговор каких-то логичных деталей, то будет правдоподобнее. Ну в самом деле – если бы брат этого Вовы переезжал, то, наверное, нашел бы способ сообщить брательнику новый адрес, и не привели бы меня сейчас его воспоминания по ложному следу!

– Убили их, – тихо сказал сосед и часто заморгал. – И Серегу, и жену его, Катьку, и дочку их годовалую – никого не пожалели. Суки, их бы так самих...

– Как?!. Кто убил-то? – кажется, я начал вживаться в роль. Хотя незнакомых мне людей действительно было жалко. Ребенка-то за что? Да и брат с женой вряд ли были такими отморозками, что с ними стоило вот так.

– Да! – махнул рукой мой собеседник, – бандиты какие-то. Чего они, визитки будут оставлять? Куда-то влез твой Серега – то ли денег задолжал, то ли поссорился с кем-то, с кем ссориться не надо... Вошли и ножом всех... – сосед закрыл лицо руками: видимо, какая-то страшная картина до сих пор не давала ему покоя. – Милиция тут трясла всех, да только нас-то чего трясти? Это днем было, в выходной – кто на даче, кто телевизор смотрит, кто спит, кто на рынок ушел или с детьми гулять. А потом муниципалитет их задним числом выписал – их же квартира-то, а про тебя то ли забыли, то ли специально не вспомнили, а только у нас все говорили, что твое имя из документов как-то исчезло. Ну и, в общем, у них же сейчас дефицит жилья, сам знаешь. И квартиру вашу какому-то очереднику и выдали с аварийной службы. А он чего – разбираться будет? У него вон тоже семья. Дали квартиру – и хорошо. Мужик вроде нормальный... Так ты сам-то теперь куда?

– Пока не знаю, – покачал я головой. – Как-то слишком много сюрпризов.

– Это точно, – кивнул сосед. – Понимаю. Ну ладно, мне пора, я вон продуктов накупил – жена готовить собиралась. Пойду ее обрадую заодно, что ты живой вернулся. А ты, если

что нужно, заходи. Дядя Саша я, если ты забыл! Из тридцать девятой! Ну бывай!

«Ну вот, хоть один представился и помощь предложил. Все не чужой человек, получается», – усмехнулся я про себя, глядя вслед удаляющемуся дяде Саше. «И ясность все-таки внес. Только что мне теперь с этой ясностью делать? Единственный человек, который мог бы меня принять в любых обстоятельствах и на чью поддержку я мог бы рассчитывать, оказывается, мертв. И здесь меня теперь никто не ждет – не лезть же к этому соседу. Он вроде человек добрый, но максимум, чего можно попросить у соседа – это переночевать один раз. Да и то неудобно, так что оставим это на совсем уж крайний случай. Но куда же мне теперь-то? Куда?».

Ситуация приобретала совсем уж жесткий характер. Как будто кто-то, кто писал сценарий моих приключений, постоянно думал, что мне мало, и добавлял еще. Такое впечатление, что где-то наверху решили проверить пределы моей выносливости и находчивости. Деньги, оставшиеся от настоящего Вовы, заканчиваются – хватит еще на то, чтобы пару раз перекусить да купить какую-нибудь мелочь вроде сигарет или билета на трамвай. То есть завтра их уже не будет совсем. На ночлег рассчитывать не приходится. Родственников, друзей и знакомых нет – ну кроме соседа, который, судя по всему, тоже живет небогато и чужих проблем ему не надо.

Да, вот это я попал. Что же теперь-то? Я даже не знаю,

есть здесь у него, Вовы... то есть у меня кто-то еще или нет. Во всяком случае, его память ничего не подсказывает. Я вышел из двора и огляделся. Грязные улицы, заставленные торговыми палатками, крики продавцов, сидящие на асфальте попрошайки...

Я решил снова отправиться на знакомый Казанский – уж на вокзале-то затеряться в толпе будет проще, да и поспать устроиться можно. Последнее, кстати, становилось все более актуальным: все эти путешествия по телам и эпохам вместе с криминальными новостями меня изрядно утомили. Поспать, сообразить что-нибудь перекусить – а потом уже можно на свежую голову думать, что делать дальше.

Я нащупал в кармане мелочь, купил у ближайшей бабульки несколько сигарет и не спеша зашагал по осенним столбчатым улицам. Встречные девушки кокетливо улыбались, напоминая, что теперь я – крепкий молодой парень, видимо, даже симпатичный. В другой ситуации я бы, возможно, этим и воспользовался. Но сейчас мысли были далеки и от романтики, и от сиюминутных удовольствий. «Ни жилья, ни работы...» да чего там – имя и то непонятно чье, любой мент при первой же более-менее серьезной проверке задержит, и попробуй объясни. Но бомжевать я не намерен! Выкручусь! Где наша не пропадала. Пустая сигаретная пачка от раздраженного пинка ногой отлетела прямо в лужу.

Послышался визг тормозов. Из подъехавшего «мерса» вышли трое накачанных «быков» с золотыми цепями на ше-

ях, и, оглашая улицу дурацким ржанием, скрылись за дверью какого-то ресторана. «На какие же шиши вы, ребята, так разгулялись?» – подумал я. Мне припомнились обвинения в уже далеком 2023-м: мол, я скрыл что-то от налоговой, подделал какие-то документы... Хоть один «обвинитель» предъявил бы конкретную сумму и бумагу, которую я подделал! Так нет же – одни левые комменты в соцсетях да заказные статьи без фактуры. И то – еле отбрехался, спасибо, адвокаты хорошие были. А тут – сопляки, которые едва ли пару лет назад школу закончили, на вип-тачках разъезжают, девок снимают и по дорогим кабакам шатаются. И никто даже внимания не обращает! А поговорить с ними с глазу на глаз, как случилось у нас на службе с разными шакалами – куда только вся крутость пропадет. До конца жизни старушек бы через дорогу водили, как тимуровцы.

Внезапно я вспомнил, какие события произойдут в Москве всего через месяц. Перед глазами поплыли кадры из новостей. И тут меня настигло важное открытие – пожалуй, первое за все это время, которое вселяло хоть какую-то уверенность. В моем положении был по крайней мере один плюс: если точно знаешь, где какая заваруха случится, можно заранее придумать, как обернуть это в свою пользу. Значит, надо разработать четкий план действий. Ну что теперь делать – попал в замес, значит, надо выкручиваться. Задача, конечно, на этот раз выпала не из легких. Ну так и я, извините, не пятиклассник.

Кстати, ведь в этих самых 90-х осталось у меня несколько незавершенных дел... Кажется, я – настоящий я, а не этот дембель, черт бы его побрал! – даже не забыл тогдашние адреса некоторых знакомых, которые вообразили, что могут кидать кого угодно на сколько угодно и ничего им за это не будет. В общем, мне точно есть, чем заняться в старой Москве. Но сначала – отдохнуть! А то можно и самому запутаться, как тебя сейчас зовут и какой на дворе год.

«Вспоминаю тот день, не забыть того дня, как друзей я отшил – взял вину на себя» – надрывался откуда-то до боли знакомый голос Юры Хоя.

Я оглянулся и увидел палатку с кассетами. Ноги сами понесли по направлению к ней: точно так же в детстве мы с друзьями, сэкономив мелочь на школьных завтраках, выискивали в продаже «запретные» кассеты, которые было так весело крутить на каникулах, когда родители уходили на работу.

Ассортимент пестрел знакомыми, полузабытыми и совсем забытыми именами. Тем временем «Сектор» в колонках сменился «Наутилусом», который пел про рыбалку апостола Андрея. «Да, под музыку идти было бы веселее», – неожиданно подумалось мне, – «только на то, что у меня есть, не то что плеер с кассетами не купишь – на ужин бы нормальный хватило...»

Из размышлений меня выбил сильный толчок в бок. Давно со мной так не здоровались. Что еще за новости?

– Слышь, подвинься, – двое короткостриженных парней

по-хозяйски оглядывали палатку и заодно симпатичную молодую продавщицу. – Ну че, курица, бабки приготовила?

– Так я... это... – растерянно пробормотала девушка, пятясь назад.

– Че «это»? Ты забыла, что ли? Ну так щас мы тебе напомним! Или бабки гони, как договаривались, или щас с нами поедешь расплачиваться, – хмырь гыгыкнул, видимо, уже предвкушая второй вариант.

Видел я таких «орлов», видел. Только и могут цепляться к девчонкам, детям да старикам. Устроились шестерить к какому-нибудь бандиту – и думают, что теперь весь город у них в услужении. А как этого бандита грохнут – а грохнут его обязательно, это вопрос времени – сразу невинные овечки: это не мы, мы не знали, нас заставляли! А в результате их выходок нормальные люди боятся из дома лишней раз выйти. Терпеть не могу, когда «хозяевами жизни» такая шпана себя ощущает. Не вмешаться было уже нельзя.

– Ребят, чего вы к девушке пристали? Вообще-то с женщинами повежливее принято разговаривать, – я снова старался быть спокойным, но получалось, честно говоря, не очень, в голосе все равно сквозил металл. – Если нравится она тебе, так взял бы и цветочки принес, а ты...

– Смотри, как бы тебе цветочки не пришлось носить, – хмырь развернулся ко мне и недобро сощурил глаза. – Ты давай канай отсюда, пока я тебе ноги с башкой местами не поменял, понял? И не лезь, когда взрослые дяденьки решают

свои взрослые дела.

– Нормальные у тебя дела – ни хрена не работать и отблать деньги у тех, кто зарабатывает, – я почувствовал знакомый внутренний «завод», по опыту, не предвещавший его виновникам ничего хорошего. – Ты лучше сам бери своего друга и проваливай, а то тебе-то точно никто цветочков не принесет!

– Не, ты в натуре не врубаешься! – хмырь сунул руку в карман, что-то там нащупал и медленно двинулся в мою сторону. – Последний раз говорю: топай отсюда, пока целый, а то я...

Эти душеспасительные беседы мне надоели, и договорить он не успел. Все-таки соскучился я по физической активности. Профессиональная боевая подготовка, помноженная на новое здоровое тело, увеличила мои физические возможности – и хмырь, взыв от внезапной боли, рухнул на асфальт. Нож, который он успел вытащить из кармана, полетел куда-то под прилавок.

– Отпусти, паскуда, – верещал налетчик, пытаясь вырвать вывернутую руку.

Одновременно я внимательно смотрел на второго визитера, который, растерявшись от такого поворота, беззвучно открывал и закрывал рот, как рыба на берегу, ошупывая дрожащими руками стенку палатки. Люблю, когда такие персонажи сразу понимают свои перспективы.

– Значит, так, – я переводил взгляд то на одного, то на вто-

рого гостя, чтобы не выпускать никого из виду, – сейчас вы оба свалите и постараетесь сделать так, чтобы я вас никогда не смог найти, даже если буду очень стараться. И она, кстати, тоже, – кивнул я в сторону перепуганной продавщицы, – ясно?

– Ддда, я... я... ясно, – дрожащим голосом выдал тот, который стоял у стены палатки.

– Ну, я надеюсь, мы договорились, – сказал я и отпустил руку лежащего на земле. Тот кое-как поднялся, и, держась за руку и постанывая, двинулся к выходу. Вывихнул я ему ее, что ли...

– Спасибо вам большое, – затараторила продавщица, – а то я не знала уже, что делать. Понимаете, мы, конечно, договорились, но сегодня выручки почти нет, а им ведь не объяснишь, а милиция...

– Да ладно тебе, – перебил ее я. – Торгуй себе спокойно. К завтрашнему дню насобираешь. Претензий к тебе у них быть не должно – это же не ты меня позвала, а я сам зашел и сам вмешался. Да ты меня и не знаешь.

– Ой, правда, а как вас хотя бы зовут?

– Жан Клод ван Дамм, – улыбнулся я и направился в сторону Казанского вокзала.

Там я решил переночевать, но сначала надо было сменить форму на гражданку, чтобы комендантские патрули лишний раз не докапывались, да и так проще слиться с толпой.

Мой дембельский «наряд» был в очень неплохом состоя-

нии, и мне удалось обменять форму в одной из палаток возле вокзала на джинсы, футболку и ветровку. Не знаю, зачем понадобилась форма палаточнику, но я легко договорился на обмен своей бэушной армейской одежды на ширпотреб сомнительного качества.

День выдался насыщенный, и спать я завалился рано, на лавке в зале ожидания.

Сам не заметил, как вырубился. Провалился в сон, даже шум вокзала не мешал.

* * *

17 сентября 1993 года

Ночь

– Так, я не понял! Вы че здесь опять разлеглись? Здесь вам бесплатная гостиница, что ли? – раздался грубый ор над самым ухом – не то, от чего я люблю просыпаться. Особенно когда он сопровождается тычками дубинкой в бок. Я нехотя разлепил сонные глаза и увидел над собой двоих милиционеров, которые покручивали в руках дубинки и выжидательно смотрели на меня и еще на нескольких людей, лежащих рядом.

Глава 4

...Накануне вечером я добрел до Казанского вокзала и приглядел несколько уголков, где спали бедолаги, для которых это было единственным шансом не остаться ночью на улице. «Кровати», конечно, не привлекали – сваленное в кучу грязное шмотье, какие-то сумки (далеко не факт, что их собственные, а не украденные или не подобранные на какой-нибудь помойке)... Но, с другой стороны, в гостиничные апартаменты меня никто не приглашал, а значит, надо было обходиться тем, что есть.

Я заметил свободное место на твердой лавке и задумался – как здесь устроиться-то? Говорят, у бездомных тоже есть своя иерархия и свой круг, в которых чужих пускают неохотно. Сунешься – начнутся крики, скандал, станут плясаться зеваки, кто-нибудь позовет ментов... Я с тоской огляделся вокруг, как будто надеялся, что вот сейчас волшебным образом появится какой-нибудь знакомый и увезет меня отсюда бухать на дачку с банькой. Хреночки на тарелочке... Так что другого выхода не было.

Один из бездомных выглядел более опрятным и ухоженным. Честно говоря, он был больше похож на пьяницу, который вообще-то живет дома, но когда срывается в запой, его выгоняют до протрезвления. Вряд ли вокзал – его постоянное место обитания. Я решил обратиться к нему:

– Слушай, друг, можно рядом с вами прилечь? Мне ночевать негде.

– Да ложись! – махнул он рукой. – Небось, место-то казенное, не убудет!

Остальные «отдыхающие», кажется, тоже не выражали никакого недовольства, и я осторожно прилег на лавку. Она не пользовалась у местной братии популярностью. Потому что тряпье постелить на нее нельзя – узкая слишком. Положил руку под голову.

Да, не о таком ночлеге я мечтал. И хотя в моей жизни бывали ситуации, когда спать приходилось в условиях, по сравнению с которыми это было царское ложе, все-таки ночевать с на вокзале – это не то, к чему я стремился. Но, в конце концов, прямо сейчас я все равно ничего другого бы не придумал, а завтра... как говорится, завтра будет завтра. Усталость от событий и переживаний прошедшего дня взяла свое, и я отрубился почти сразу.

И вот теперь местные менты почему-то решили нас разогнать, хотя до этого спокойно проходили мимо и не обращали на нас особого внимания.

– Я долго буду ждать? Короче, если через три секунды здесь еще кто-то останется, я быстро организую ночлег в другом месте! Раз... два...

Не дожидаясь последней цифры отсчета, я вскочил и быстро пошел в сторону выхода. То же самое сделали большинство моих соседей. В последний момент я оглянулся

и увидел моего нового знакомого, который разрешил мне прилечь. Он с виноватым видом что-то объяснял милиционерам, и по их лицам было похоже, что его объяснения их не устраивают.

«Куда ты лезешь, сам тут на птичьих правах! Правозащитник из будущего, блин!» – ворчал мой внутренний голос, но мне почему-то стало жалко этого мужичка. Слишком уж интеллигентным был его вид – такие обычно в схватке с реальной жизнью не выигрывают.

– Ребята, это мой товарищ, с женой поссорился, вот и боится домой идти, я его уведу сейчас, не волнуйтесь, – я старался казаться уверенным, это вышло довольно легко.

– Да? А тебя тоже жена выгнала, что здесь валяешься? Вроде на бомжа не похож – парни в погонах изучающе смотрели на меня.

– Да нет, я дембельнулся, домой еду, здесь пересадка, и я на поезд опоздал, – я ляпнул первое, что пришло в голову. – Вот жду, когда мать из дома денег на билет вышлет, и я сразу домой.

Конечно, вся эта чушь могла показаться правдоподобной только первокласснику. Дембель встретил на вокзале товарища и улегся с ним поспать на полу... Но ментам, видимо, самим было неохота распутывать все эти версии, тем более что мы всем видом показывали готовность уйти, а взять с нас все равно было нечего.

– Хрен с вами, выметайтесь отсюда к чертовой матери,

и чтоб больше я вас здесь не видел! – рывкнул тот, который будил меня дубинкой.

Интеллигент пробормотал «Спасибо», и мы вышли на улицу.

– Тебя хоть как зовут-то? Меня Вова, – сказал я.

– Вася, – представился собеседник.

– Вася, ну кто его не знает, – вспомнил я песню из детства и усмехнулся. – Ну и что теперь делать будем, Вася? На лавочку в парк идти? Там, боюсь, нас разбудят ребята пожестче, чем эти.

– Нееет, в парк не надо, – задумчиво протянул Вася. – Давай лучше по многоэтажкам ходим.

– Думаешь, кто-нибудь сжалится и пустит на ночлег? – развеселился я. – Так и вижу: молодая, румяная одинокая домохозяйка сочувствует двум бродягам, пускает их домой, дает помыться и свежую одежду, потом кормит ужином и звонит такой же одинокой подруге...

– Это, конечно, было бы неплохо, – мечтательно закатил глаза Василий, – но вообще-то я не это имел в виду. Как ни странно, во многих высотных домах дверь на чердак не запирается. Черт его знает, почему – может, ключ доверить некому... В общем, там иногда можно ночевать. Ты оказываешься как бы между крышей и жилыми этажами, и если вести себя тихо, то тебя никто даже не заметит.

Мы направились в сторону ближайших многоэтажек. Все-таки мой знакомый не был похож на типичного опустивше-

гося ханыгу – даже речь выдавала в нем довольно образованного человека. И, кстати, он оказался прав – уже во втором доме нам повезло. Дверь на чердак оказалась открыта, и мы, осторожно войдя внутрь и расчистив пол от разбросанного мусора, стали устраиваться на ночлег. Впрочем, после пережитого сон пришел не сразу, и между нами завязался обычный разговор двух попутчиков, какой бывает в поезде – а в нашем случае на чердаке. Разве что говорить нам приходилось очень тихо, чтобы нас не услышали жильцы верхних этажей.

– Ты как на вокзале-то оказался? – спросил я. – Извини, но на обычного бомжа ты не очень похож...

– А, похож – не похож, бомж теперь и есть, – грустно отмахнулся Василий. – Вообще-то я учителем работал. Жена была, нормально жили... И тут на меня вышли какие-то... даже не знаю, как назвать. В общем, квартира им моя приглянулась. Уж не знаю, чего они на учителя-то полезли – по моему, более подходящих кандидатур полно... Ну и говорят прямо: нам твоя квартира нужна, но ты не бойся, мы, дескать, люди честные, мы хотим ее у тебя купить. Я, честно говоря, не сильно удивился: квартира была небольшая, но в центре, думаю, мало ли, сейчас время-то какое пришло, не поймешь... Ну вот, и говорят: ты, мол, ее приватизируй и мы ее у тебя купим по рыночной цене, а ты на эти деньги в каком-нибудь другом районе, подальше, сможешь просторную купить, с ремонтом. А то и в деревню уедешь – там

учителей не хватает, а цены такие, что этой суммы хватит и на дом, и на машину, и скотину завести.

Ну мы с женой покумекали – нам в Москве-то и правда не очень нравилось: шум, гам, суета, пыль... Я и подумал: приедем в деревню, будем как короли – и относительно молодые еще, и при деньгах, дом хороший купим, заживем на свежем воздухе. И согласился. Позвонил им, что приватизировал квартиру, мол, и готов продавать. Они пообещали приехать с деньгами. И действительно скоро приехали, только не с деньгами, а с пистолетом. Договор привезли – дескать, подписывай. А там написано, что я продаю им квартиру и претензий не имею. Я вроде возразил – а деньги-то где, а он как даст мне рукояткой по голове, у меня аж в глазах потемнело, и говорит: деньги в банке, а ты скажи спасибо, что живой остаешься. Подошел к жене, та от страха ни жива ни мертва, а он ей к виску пистолет приставил и говорит: не подпишешь, мол, я сейчас ей башку разнесу. Ну и что мне оставалось делать?

– А соседи, милиция? – спросил я.

– Какие там... У нас соседи были – старики одни. Ну еще пара алкашей, которые, кроме как на бутылку найти, ни о чем думать не в состоянии. Дом-то старый. А милиция... они же, небось, их и крышуют. Иначе откуда у них так все поставлено – и договор у них, и уже все оформлено, и квартиру как точно нашли, которую быстро отжать можно. Это же тебе не в подъезде по голове сзади тюкнуть – это целая ком-

бинация, там вон сколько людей завязано!

– Мда. Ну и куда же вы пошли?

– А куда нам идти? Так по улицам и стали скитаться. Родственников у нас уже не осталось, друзья хороши, когда у тебя все хорошо, а когда чего случается... Ну одни пустили пару раз переночевать, потом другие, а потом вежливо намекнули, что у каждого своя жизнь и они, конечно, сочувствуют, но у них не гостиница. Кроме улицы, вариантов и не осталось. Так и мыкались: я пойду, кому-нибудь чемодан с вокзала донесу, в другой раз машину помогу разгрузить – какие-то копейки дают, можно поесть купить. Но это тоже не каждый день: здоровье-то уже не как в молодости, сам понимаешь. В общем, жена не выдержала этого всего. Переживала, рыдала она каждый день, да еще на улице болячки всякие обострились – и все, не стало ее. Месяц всего продержалась. Службы ее подобрали – хорошо хоть, я при этом был, хоть выспросил, где ее похоронят, чтоб было куда к ней прийти... И вот, получается, ее нет, а я все здесь. Хотя давно уж должен был тоже... Мне иногда кажется, что меня специально здесь оставили, чтоб помучился...

Вася замолчал. Мне тоже было нечего ему сказать. Сколько вот таких Вась, попавших в бандитские лапы, в одночасье лишились всего, что у них было? Жилья, денег, работы, здоровья, родных, надежд, наконец. И это были не какие-нибудь маргиналы – нормальные трудолюбивые люди, которые всю жизнь горбатились, чтоб хотя бы на пенсии по-

жить по-человечески. Не могли же они в молодости предвидеть, что через пару-тройку десятков лет государство оставит их один на один с отморозками, для которых нет ничего святого, кроме наживы любой ценой. Мне хотелось помочь Василию, но что я мог сделать? В материальном и социальном плане я сейчас был таким же, как и он. А слов он уже наслушался. Только проку от них никакого.

Наутро меня разбудил Вася.

– Вов, вставай. Сейчас на рынок машины приедут, можно помочь разгрузить. Я у них подрабатываю иногда, там мужики всегда нужны. Хоть пожрать купим.

Пожрать – это была идея. Деньги от прежнего Вовы Данилова таяли на глазах, и растянуть оставшиеся можно было максимум на один день. Так что я решил не пренебрегать этим шансом. Заодно можно было разведать обстановку: в моей ситуации места, где всегда можно подработать – на вес золота.

Должен сказать, что для физически крепкого и выносливого человека разгрузка товаров – несложная работа. Каких-то 15–20 минут – и у тебя в руках появляются деньги. А если успеешь разгрузить несколько машин – так, считай, за пару часов на два-три дня себя обеспечишь. Мы с Василием в этот раз ограничились двумя: он – по причине не самого крепкого здоровья, я – чтобы оставить время и силы на что-то еще. В конце концов, я поспал, отдохнул, как мог, решил проблему пропитания и ночлега, а значит, можно было

со свежей головой планировать дальнейшие действия. Только сначала неплохо было бы позавтракать. Я, конечно, молодой и здоровый, но, чтобы оставаться таким и дальше, нужно было хотя бы минимально следить за образом жизни.

– Ну что, Василий, скажи мне, как бывалый человек, где здесь поесть можно? – бодро спросил я, пересчитывая купюры и складывая их в карман.

– Да где угодно. Это ж три вокзала, здесь все, что хочешь, найдешь, – засмеялся Вася.

– Да? Ну пошли тогда. Только не гамбургеры и не чебуреки, они туда пихают неизвестно что, тем более на вокзале, – сказал я.

Но далеко уйти нам не удалось. Боковым зрением я видел нескольких мужиков сильно помятого вида, которые отирались поблизости и поглядывали на нас. Но я не обращал на них внимания – если думать о каждом встречном алкаше, о себе забудешь. Как выяснилось, иногда думать о них все-таки надо. Когда мы поравнялись с ними, они подошли и встали перед нами полукругом.

– Слышь, мужики, похмелиться надо. Гони бабки, – дохнул перегаром один из них.

– Мне – не надо. А ты похмельяйся, если хочешь, – мне снова приходилось заставлять себя быть спокойным.

– Ты че-то борзый до хрена, я смотрю, – прохрипел второй. – Гони бабки, тебе говорят, мы видели, вы щас по карманам их прятали.

– Свои бабки мы заработали, – ухмыльнулся я. – Ты бы немножко поработал – тебе бы тоже дали.

– Ты че, не вдупляешь, что ли! – не выдержал первый и, замахнувшись, бросился на меня.

Когда говорят «чем больше шкаф, тем громче падает» или «пьяного толкни – он сам упадет» – не знаю, может, в этом и есть, конечно, здоровое зерно, но я бы не сказал, что пятеро похмельных туш сильно отличаются от двух трезвых «быков». Во всяком случае, работать руками и ногами мне пришлось жестко и без перерывов: от Васи, в смысле драки, толку не было никакого, он упал еще в самом ее начале и тихонько отполз в сторону. И, надо сказать, правильно сделал: когда начинается не обмен затрещинами, а реальный замес – тут уж либо дерись насмерть, либо сразу исчезай, если не махать не умеешь.

Мда, кажется, перехвалил я свое новое тело. Оно, конечно, выносливое, но в смысле навыков его еще тренировать и тренировать. Несколько раз я пропустил удар, хотя хорошо видел, откуда и куда мне летит, но реакция немного подвела, может не сроднился еще с телом. «Чему их только на срочке сейчас учат», – сердито подумал я, отбрасывая одного из алкашей, который решил запрыгнуть на меня с каких-то ступенек. Пришлось перестраиваться на ходу и быстро вырабатывать новую тактику. Я вспомнил наставления своего тренера, который говорил, что чем больше нападающих на одного, тем сильнее они будут друг другу мешать. И еще: «Ес-

ли не можешь победить силой, побеждай умом». Он объяснял, что нужно применять такую тактику, которая позволит столкнуть нападающих между собой, а самому максимально экономить силы. Тогда они выдохнутся раньше, чем ты. А вот какая именно это должна быть тактика – тут уже по обстоятельствам.

На мое счастье, с пьяницами это сделать было проще: их изнуренный ежедневным приемом бормотухи мозг был просто не в состоянии выстраивать какие-то там тактики и стратегии. Максимум, на что их хватало – заорать и броситься с кулаками напрямик. Если бы их было хотя бы двое, я бы закончил с ними меньше, чем за полминуты. Но их было пятеро: пока двое падали, другие двое поднимались и нападали, а один поднимался, чтобы к ним присоединиться. Тем не менее их неповоротливость и неуклюжесть сыграли мне на руку. Через несколько минут они уже не пытались вскочить с асфальта, а только стонали и матерились. Расползались по сторонам, косясь на меня.

Я огляделся. Прохожие старались обходить нас стороной – кому охота втягиваться в приключения. Ментов тоже не было видно, хотя рядом были вокзалы. Я нашел глазами Васю и взглядом позвал его к себе.

– Вась, по-моему, ребята должны нам за моральный ущерб, – сказал я, по очереди ощупывая карманы тех, кто хотел нас ограбить. – Ты гляди, – я нащупал у одного из них нераспечатанную бутылку водки, – а говорил, похмелиться

нечем. Не стыдно врать-то честным людям? А?

– Да пошел ты, козел, – промычал бывший обладатель бутылки. – Ты только тут появишься еще, мы тебя...

– Молчал бы лучше, – ответил я. – Глядишь, и за умного бы сошел.

Мы отошли в сторону. Помимо бутылки водки, нашим трофеем стал самодельный кастет и некоторая сумма денег, вполне сравнимая с той, что мы получили за разгрузку машин.

– Считай, у нас с тобой сегодня двойной гонорар – что-то вроде подъемных, – пошутил я.

– Знаешь, шутки шутками, а вообще в такое лучше не вляпываться, – задумчиво ответил Василий. – Эти алкаши здесь постоянно шатаются. Я как-то видел, как двое из них к каким-то иномаркам подбегали. Думал – денег просят. А потом мне мужики сказали, что они на каких-то уголовников работают. Ну то есть как «работают» – не то чтобы прямо серьезными делами занимаются, но кому-нибудь по башке дать, или проследить, куда кто-то пойдет – это по их части. А за это их от ментов отмазывают, на водку дают, ну и вообще...

Тот день мы с Василием провели, гуляя по Москве. Я не мог упустить возможность как бы невзначай выпросить разные подробности столичного быта тех лет – я-то их уже успел подзабыть. Конфискованную бутылку водки мы распилили все на том же чердаке перед сном. Вася уснул почти сра-

зу. А вот мне долго не спалось, несмотря на усталость и алкоголь.

«Разгрузка машин, уличные драки, дружба с бездомным, ночевки на чердаке... Этого ли я в жизни хотел? Нет, понятно, что когда нет совсем ничего, приходится хватать то, что подворачивается. Тем более что здесь я оказался не по своей воле, а вообще непонятно как. Но все-таки...»

Вот что полезного для себя я сделал за сегодняшний день? Подзаработал, выпросил пару ценных деталей у Васи – это, конечно, хорошо. Но, строго говоря, на это хватило бы пары часов, а все остальное время я прошлялся с ним по улицам. Осваивался с новым-старым миром, так сказать. Придумал ли я какой-то план действий? Да даже не начинал. А если ты каждый день не продвигаешься вперед хотя бы на чуть-чуть, то сначала стоишь на месте, а потом начинаешь двигаться назад. «А я уже и так грузчиком заделался и ночью на чердаке. Куда же еще ниже-то?» – я представил свои перспективы и невольно вздрогнул.

Нет. Так жить я точно не желаю. И не буду! Хрен с ним, пусть я теперь и Вова Данилов, но я поднимусь, чего бы это мне ни стоило!

Глава 5

18 сентября 1993 года.

18.30

На следующий день я снова отправился бродить по улицам – на этот раз один. Нужно было сосредоточиться и прикинуть хотя бы примерный план действий, а для этого любые собеседники только мешали. Деньги, заработанные вчера, были в целости и сохранности, на еду, сигареты и, если что, проезд мне точно хватало. Так что я распрощался с Василием и пошел гулять по Москве.

Первое, что я намерен был сделать – это покопаться в памяти этого Вовы, который жил в этом теле до меня. Благо, никаких усилий для этого мне прикладывать не приходилось – невидимый тумблер между моей и его памятью переключался по моему желанию как бы сам собой. В конце концов, ведь не может так быть, чтобы весь круг общения этого дембеля состоял из его брата? Он жил не в одиночной камере и не в глухой деревне на пять домов, а в Москве, почти в самом центре. Не говоря уже о том, что у молодых и здоровых парней в его возрасте обычно куча друзей, приятелей, однокашников, да и девчонок тоже. Значит, надо понять, к кому еще можно обратиться, если уж с братом вышла такая печальная история.

Ну вот, уже кое-что. В Мытищах должен жить его, то есть

теперь уже мой, сослуживец Степа, который был уволен в запас весной. Кажется, он объяснял, как его найти, если решу приехать в гости. Адрес высветился перед глазами, словно вокзальное табло. Хм. Значит, поедем в Мытищи. Только к вокзалу надо подойти как-нибудь незаметно. Электричка хоть и идет с Ярославского, но Казанский рядом. Не хватало мне еще разборок по поводу вчерашнего. А еще лучше – сесть не на самом вокзале, а на какой-нибудь небольшой станции, ехать до нее все равно недалеко. Чуть подключенного личного обаяния в общении со случайной прохожей – и я уже знаю, как добраться до одной из ближайших станций.

Железнодорожные станции в нашей стране в девяностые годы – это, конечно, особый мир. Серьезных криминальных элементов, в отличие от крупных вокзалов, здесь бывает почти не видно, зато шпану разной степени агрессивности можно встретить запросто. В основном же публика состоит из тех, кто едет на дачу, тех, кто едет с дачи и тех, кто время от времени встречает на перроне родственников или пытается продать пассажирам часть своего урожая.

Вот и здесь среди людей, нервничающих в ожидании электрички, я увидел старика, сидящего с ведром яблок. Как давно я не ел настоящих яблочек, прямо с дерева! Питаюсь здесь всякой дрянью... Я направился к деду и уже было хотел прицениться, как вдруг перед ним возник какой-то борзый хмыреньш в спортивном костюме. И чего мне так на них везет? Впрочем, этот был совсем уж «молодой да ранний», просто

наглый не по годам.

– Слышь, дед, я тебе русским языком сказал – убрался отсюда быром! Ты че тут, в натуре, под ногами копаешься? Хочешь, чтоб я тебя под поезд спихнул? Не, ну я могу это устроить, конечно...

И чего он до него докопался? Денег с него явно не возьмешь. Крутость свою показать хочет? Ну да, перед стариками это проще всего...

Я огляделся. Никаких друзей агрессора видно не было. Значит, точно – не «работает», а выпендривается перед самим собой. Ожидающие на перроне тоже не проявляли особенного интереса к происходящему – максимум ленивые поглядывания, да и то с опаской. А этот придурок все борзет – дед-то отпор дать не может, только в ведро с яблоками вцепился, когда тот его попытался пнуть.

Я нащупал в кармане кастет, отнятый во вчерашней драке возле вокзала. Еще раз огляделся – все, кто присутствовали на перроне, напряженно развернулись в другую сторону, высматривая электричку. Я размахнулся и двинул кастетом того поддых. хорошо приложил, он согнулся, словив спазм, даже крикнуть не мог. Тот рухнул с перрона в какие-то кусты.

– Уходи отсюда, отец, – сказал я, пряча кастет в карман. – Они тебе житья не дадут.

– Да уж вижу, – трясущимся голосом ответил старик. – Спасибо тебе, сынок. Он бы и избил, и пришибить мог – им ничего не стоит...

– В общем, если будут спрашивать, кто помог – скажи, что солнце в глаза, да и подслеповат, не разглядел. Вроде чернявенький, нос большой, глаза навывкате...

– А может, лучше скажу, что блондин?

– Не, не пойдет. Нас же видят со стороны. Цвет волос могут запомнить, а вот нос или глаза со спины – вряд ли.

Я снова оглянулся, присел над упавшим хулиганом, быстро вынул лопатник, торчавший из его джинсов, и сунул себе в карман. Хорошо, что старик в этот момент отвернулся к своим яблокам.

– На вот, сынок, угощайся, – он протянул в сморщенной руке румяное, спелое, душистое яблоко. Я даже запах почувствовал...

– Спасибо, бать. Пора мне. Береги себя, – его яблоко меня растрогало, а пускаться в сантименты сейчас было нельзя. Я перешел пути и сел в последний вагон электрички, следующей в противоположном направлении. Проехал в ней одну станцию, вышел, снова перешел пути и сел уже в нужную электричку, причем в первый вагон. Я помнил еще с военного периода своей жизни: даже если прямой опасности нет, на всякий случай лучше постараться запутать следы. Поэтому перед тем, как садиться во вторую электричку, я вытащил деньги из взятого кошелька, тщательно протер его и выкинул в грязную, заплыванную урну, стоявшую на перроне.

Да, давно я не ездил в электричках, тем более в таких! Было интересно разглядывать пассажиров и представлять ис-

тории их жизни. Хотя история, похоже, у всех была плюс-минус одна: несчастные, замордованные тяжелым существованием люди с уставшими лицами и подавленными взглядами. Бросилось в глаза, что было довольно много пьяных, хотя в субботу это неудивительно. Некоторые из них пытались веселиться и чуть ли не петь песни, но это веселье казалось каким-то слишком уж отчаянным и истеричным – так человек, узнавший, что он обречен, изо всех сил пытается устроить праздник, чтобы обмануть самого себя.

В Мытищах я без труда нашел нужный адрес. На мое счастье, даниловский сослуживец оказался дома.

– О, Вовка! Ни фиги себе! Вот уж кого не ожидал! – Степа обнимал меня так, словно мы (в смысле они с настоящим Даниловым) не виделись не полгода, а полжизни. – Ну чего ты застрял-то – проходи, проходи, я тут как раз такой супец заварганил – закачаешься!

Мы сели за стол, выпили. Я рассказал ему свою историю. Конечно, не всю – про путешествие во времени и вселение в тело его друга я умолчал. Но все остальное – что с дембельского поезда отправился к брату, узнал о его гибели, и, поскольку других родственников в городе нет, две ночи провел на чердаке с бездомным, пока не вспомнил, что есть у меня в Мытищах сослуживец – выложил, как на духу.

– Мда, дела... – задумчиво протянул Степа. – Не позавидуешь. Да ты ешь, не стесняйся, там еще второе есть, я

как раз с утра много наготовил! – сказал он, заметив, что я пытаюсь растянуть остатки супа как можно сильнее. – Значит, делаем так. Сейчас ты идешь в душ – моешься, стираешь все, что на тебе, а то, честно говоря, твои ночевки с бомжами довольно сильно чувствуются. Чистую одежду я тебе найду, размеры у нас примерно одинаковые. Сегодня заночуешь у меня, а завтра... завтра будем придумывать тебе новую жизнь. Есть у меня парочка вариантов в Москве. Только уж извини – спать придется на полу, второго дивана у меня, как видишь, нет. Зато есть второй матрас, так что все равно будешь на мягком почивать, как королевская особа!

Господи, каким же наслаждением было наконец встать под горячий душ! Я намыливался, смывал мыло с шампунем и намыливался снова. Не помню, сколько раз я проделал эту нехитрую процедуру, но большего блаженства я не испытывал давно. Как же мало нужно человеку для счастья – хорошо поесть и помыться с горячей водой! Особенно после того, как намыкался по подъездам и вокзалам...

Спал я, конечно, как убитый. Как только прикоснулся головой к подушке – моментально вырубился и проснулся уже утром, когда в окно слепило глаза солнце, а с кухни раздавалось деловое побрякивание посуды.

– С добрым утром, ваше величество, – весело сказал Степа, когда я вошел на кухню. – Как почивать изволили?

– Ох, Стёпка, – улыбнулся я, – давно у меня не получалось так выспаться! Спасибо! Не знаю уж, как там у королей, а у

некоторых дембелей это, по-моему, главное счастье и есть!

– Ну и отлично. Садись, завтракать будем, а я заодно тебе наши планы на день обрисую.

Степан поставил на стол две огромные тарелки с пышным омлетом с колбасой и помидорами, несколько кусков хлеба и две кружки горячего чая. В животе приятно заурчало.

– В общем, Вов, смотри, – рассказывал сослуживец, уплетая свое творение. – У меня приятель в Москве работает комендантом в общаге ВГИКа. Сечешь уровень? Ха-ха! Ну так вот, поедем к нему, он тебя в общагу заселит за символическую плату. За первый месяц я за тебя внесу, а там уж зарабатывать начнешь. Кстати, что касается денег – не вздумай отдавать. Ты сейчас в жопе, тебе нужнее. А у меня с работой все в порядке и с деньгами проблем никаких.

– Спасибо, Степа. Только... как он меня заселит-то? Я же не студент, не преподаватель...

– Слушай, ты прям как с Луны свалился или из другой эпохи к нам попал, – Степан с интересом посмотрел на меня. – Нет такого человека в нашей стране, который не мечтал бы подкалымить! А уж тем более это относится к вахтерам, комендантам, разным дежурным... ну то есть ко всем, от кого зависит немного, но все-таки зависит. Не бойсь, заселит в лучшем виде, и никто даже внимания не обратит. Там пол общаги не то, что никакого отношения к ВГИКу не имеет – даже слабо представляет себе, что это. Ну а потом и с работой тебе что-нибудь придумаем. И вот тебе еще подарок...

Степа порылся в шкафу и торжественно вручил мне часы «Montana».

– Держи, это мои старые. Они хорошие, надолго хватит. Я себе просто новые купил, – сверкнул он браслетом на руке. – А эти мне подарили, лежат без дела, теперь они твои. Носи на здоровье, знать, который час, в нашей жизни будет нелишним, – заговорщицки подмигнул мне Степа.

Обратный путь на электричке в Москву был уже не таким мрачным. И дело не только в том, что Степа был рад видеть сослуживца и без перерыва сыпал анекдотами и историями из жизни – своей и других наших сослуживцев. Впервые за все дни, что я провожу в чужом времени и теле, я почувствовал просвет! Уже сегодня у меня будет свой законный угол в городе, а скоро появится и работенка. Ну, а потом надо будет прикинуть насчет какого-нибудь бизнеса. с мелочевки начать и двигаться дальше.

Жизнь, еще вчера казавшаяся безвыходным лабиринтом, состоявшим из одних стен, стала представляться мне улицей, которая все время расширялась и разветвлялась. И теперь только от меня самого зависело, в какую сторону она пойдет. В одном я был уверен точно: к ночевкам на чердаке я больше не вернусь! Лучше уж попрошу Степку устроить меня в Мытищах каким-нибудь сторожем или водителем. Какая бы ни была работа, каким бы ни было твое жильё – если и то, и другое у тебя есть, ты сразу поднимаешься на принципиально другой уровень. Между прочим, хороший стимул,

чтобы не опускать руки и продолжать грести в сторону новой жизни!

Комендант общежития действительно оказался на редкость понятливым и с дружеской улыбкой показал мне комнату, где стояла моя кровать. Я с облегчением бросил на нее рюкзак с вещами – Степа сдержал слово и снабдил меня всем необходимым на первое время, вплоть до зубной щетки. Хороший дружбан. Теперь у меня был свой угол в Москве! Пусть и не совсем официальный, зато мне точно не надо было бегать ни от ментов, ни от бандитов. После всех моих приключений это казалось не меньшей радостью, чем горячий душ.

Мы вышли из общаги и закурили.

– Теперь по поводу работы, – начал Степан. – У меня есть хорошие знакомые в МВД, у них бывают свободные места. Попробуем тебя туда пристроить. Что ты так на меня смотришь? – улыбнулся Степа, видимо, приняв мое недоумение за разочарование. – Ну да, я понимаю, работка не мед, но на первое время сойдет. По крайней мере, какая-никакая, а зарплата, плюс с людьми познакомишься, может, что где выплывет. А там уж потихоньку осмотришься в городе и сам поймешь, куда тебе надо. Я, правда, не знаю, как у них сейчас дела обстоят, но завтра туда звякну и спрошу. А тебе передам через коменданта. Так что завтра где-нибудь после обеда подходи к посту и спрашивай, не звонил ли кто по твою душу. Да, и вот еще...

Степа полез в карман и извлек оттуда «котлету» денег.

– Это тебе на первое время. Думаю, на месяц-полтора тебе хватит.

Это лишнее, – заявил я. – Руки-ноги целы, сам заработаю. Да и вообще, не привык я быть кому-то должным.

Да лан тебе, бери. Потом отдашь. Все понимаю, если в ментовку устраиваться, там медкомиссию проходить надо, бумажки собирать всякие. Может на лапу положить кому-то придется. Чтобы ускорить дело, так сказать.

– Хм... об этом я как-то не подумал. Хорошо, с первой же получки отдам.

– Брось, – отмахнулся приятель. – С каждым может быть. Тем более время такое... В общем, адрес знаешь, если что – приезжай в гости. А завтра жди новостей на посту. Давай, удачи!

Мы обнялись, распрощались, и я пошел в комнату. Нужно было расположиться и отдохнуть. В своей комнате, на своей кровати!

* * *

На следующий день я снова отправился побродить по Москве. Все соседи по общежитию разбежались – кто на учебу, кто на работу. Мне же идти было пока некуда: весточка от Степы должна была прийти только после обеда. Так что, пока есть возможность, можно и погулять по столице. А то

потом – дела, заботы, так и не будешь ничего замечать, кроме работы и общаги.

Но вот вопрос: а хочу ли я устраиваться на эту работу? Сомнения не давали мне покоя. Милиция – не самое престижное место в девяностые, мягко говоря. Сериал «Улицы разбитых фонарей» еще не сняли, к неунывающим и обаятельным сотрудникам страна проникнута симпатией не успела. Зарплата не ахти, да и ту платят кое-как, зато неудобств и риска – хоть отбавляй. А если на неопытного новичка решат повесить все «косяки» предыдущих?

Даже не знаю. В конце концов, я ведь хочу подняться повыше, открыть свой бизнес, а тут вся перспектива – за шпаной гоняться до пенсии. С другой стороны, с чего-то же надо начинать? А силком никто на работе держать не будет, если что. Эх, посоветовал бы кто! Как же быть?

– Э, пацанчик! Ты че тут трешься? С какого района ваще? – донеслось из переулка рядом.

Я поднял глаза. Ко мне приближались три персонажа типично гопницкого вида. Я знал, что, несмотря на все советы по общению с такими типами, на самом деле правильных ответов здесь не существует – ну, если только ты не дружишь с каким-нибудь их авторитетом. Если до тебя докопались, значит, их задача – до тебя докопаться, и на все остальное наплевать.

– Бабки гони! И часыними!

«Да что же вы все ко мне липнете-то, а», – подумал я.

«Вот тебе, Вова, и тренировочка перед работой в милиции».

Рука уже привычно нащупала в кармане кастет. С этими драться было посложнее, чем с вокзальными алкоголиками. Во-первых, они были совсем юными, во-вторых, трезвыми, а в-третьих... ни хрена себе! Над моей головой просвистела цепь – хорошо, успел вовремя увернуться. Ну что, сами напросились. Я заработал кастетом, как трактор в поле. Мне уже было неважно, сколько их – я вымещал все свое отчаяние, все чувства человека, которого начало все это доставать. В то время как нормальные люди выживают, эти отбросы, на которых впору пахать, цепями тут размахивают...

Цепью, кстати, меня все же один раз огрели – правда, по спине, но тоже приятного мало. Зато в результате моей работы кастетом и немножко ногами вся троица лежала на асфальте, причем кое-кто – в собственной крови. «Пачкать, конечно, нехорошо, но претензии не ко мне», – подумал я и, оглянувшись по сторонам, быстро прошелся по карманам этой троицы.

Неплохо живут начинающие бандиты! Моей добычей стали 150 баксов и около 40 тысяч рублей! Видимо, эти недобры молодцы уже успели обнести сегодня несколько человек. Значит, это их основной заработок. А по возрасту похожи на старшеклассников. Интересно, в какой момент люди сворачивают в жизни не туда?

Однако, эта стычка меня немного расстроила. Видимо, это такой жизненный закон: только расслабишься, подума-

ешь, что окончательно порвал с прошлой жизнью, как она тут же передает тебе привет. Я ведь уже начал отвыкать от всех этих уличных приключений и привыкать к нормальной жизни. Кажется, все это было уже сто лет назад – и тут... Но похоже время такое. Без этого сейчас никак. Или ты, или тебя. Что ж, кастет надо не забывать с собой носить.

В мои размышления резко ворвался визг тормозов – и «девятка» встала всего сантиметрах в тридцати от меня.

– Слышь, тебе че, жить надоело? А я здесь причем? – возмутился водила.

Иди вон тогда с крыши бросайся, а не под колеса! Сидеть еще за тебя, дебил...

От всех этих думок, когда переходи дорогу, я не заметил эту девятку. И откуда она только взялась. Мужик за рулем явно нервничал.

Отвали! – буркнул я.

Чего?

Я демонстративно потер окровавленные кулаки, и мужик все понял. Дал по газам и скрылся за поворотом.

Ну вот... Получается надо разговаривать на их же языке и сразу меньше недоразумений.

Но хотелось думать, что не все люди быдло. Сразу вспомнился Василий, с которым мы под крышей ютились... Надо найти его. Хоть еды ему куплю, что ли – хороший он мужик. Судя по всему, еще не пропащий, просто жизнь так сложилась...

Васю я нашел на рынке неподалеку от вокзала, и вид его красноречиво говорил о том, что одному ему везло гораздо меньше, чем со мной. Лицо его почти полностью превратилось в один сплошной синяк, он прихрамывал и держался за руку.

– Ни фиги себе! Это кто ж тебя так? – изумился я.

– А ты не помнишь, кто на нас недавно обиделся? Алкаш что угодно может простить, но, если ты у него бутылку отберешь – враг на всю жизнь, – пробурчал Василий и вдруг сверкнул глазами и неожиданно злобно добавил: – Это из-за тебя все. На кой черт было с ними связываться? Вообще, чего ты ко мне привязался?

Вот это поворот...

– Слушай, давай я тебе каких-нибудь лекарств куплю и поесть, – мне действительно стало неудобно. – Работать-то ты все равно сейчас не можешь.

– Иди лучше отсюда, Вова, – с отчаянием в голосе ответил Василий. – Ты вон, я вижу, свежий и сытый – значит, нашел, где приземлиться. Вот и иди туда. А сюда больше не возвращайся. Ты как появился, сразу проблемы какие-то, драки... Извини, но я уж лучше один.

Вот блин... Что я мог ему ответить? Да и нужно ли было что-то отвечать? Моя совесть перед ним была чиста: в той драке я принял удар на себя, добычей с ним честно поделился, сейчас помощь предложил, ну а то, что он отказался и, видимо, что-то не так воспринял – это уж было толь-

ко его делом. За ночлег и заработок ему, конечно, спасибо, но... видимо, дальше наши пути действительно разошлись в разные стороны.

Выходя с рынка, я заметил невдалеке троих из тех алкашей, которые хотели обнести нас с Вовой. Один из них было дернулся по направлению ко мне, но другие двое его удержали, говоря что-то на ухо. «Боятся – значит, уважают», – подумал я и зашагал в сторону общаги.

* * *

На посту общежития меня окликнули.

– Ты, что ли, Данилов-то? Тебе тут записка, – сказал комендант и протянул сложенный листок бумаги. На нем был адрес, номер кабинета, фамилия и приписка «О тебе предупредили». Я поблагодарил и поднялся к себе.

Первым делом – к зеркалу. Снял рубашку и, как мог, осмотрел место удара цепью. Попробовал подвигаться, подышать в разном ритме – вроде бы все работает. Значит, задела несильно и это – просто ушиб. Отлично. Могло быть гораздо хуже.

Я разложил по карманам деньги, приготовил одежду на завтра. Уснуть сразу у меня снова не получилось. Мне невольно вспомнился мой 2023-й. Зря я все-таки ввязался в ту заваруху. Бизнес не совсем честный вел, а у кого он честный? Захотел выйти, но партнеры, судя по всему, обиделись.

В конце концов деньги для меня никогда не были смыслом жизни.

С грустью оглядев обстановку в комнате, я припомнил свое жилье. Да у меня одна дача по сравнению с этим зданием – дворец! Да и, что ни говори, хоть я уже и жил в девяностые, а все равно трудно возвращаться обратно из уже привычного двадцать первого века. То одногохватишься, то другого. Это ведь когда просто живешь и ни о чем не думаешь, окружающие блага кажутся чем-то естественным. А когда их резко лишают, оказывается, что без них ты, как без рук. Но ничего, привыкну. Уже начал привыкать....

Хотя что ни говори, а чистая постель и крыша над головой – это уже что-то. Вот сейчас бы заснуть, а проснуться снова у себя дома! Сделать кофе с коньячком, поваляться в джакузи...

Но наутро я проснулся все в той же вгиковской общаге, а впереди меня ждал поход в ментовку с целью трудоустройства... Чую денек предстоял крайне интересный.

Глава 6

20 сентября 1993 года

Адрес, написанный на бумажке, я нашел быстро. Это оказалось отделение милиции – а они во всех городах и во все десятилетия находятся легко. Даже если внешне отделение ничем не выделяется среди соседних зданий, кроме таблички – все равно интуиция безошибочно распознает это заведение среди прочих.

А подойдя ближе, увидел сидящего на корточках возле урны сержантика. Он был занят тем, что тушил окурочок. Автомат безучастно висел на его плече. Завидев меня, сержант спохватился, вытянулся по струнке, но, когда понял, что перед ним гражданский, расслабился. Я думал он спросит куда мне идти, но ему, судя по всему, было по барабану.

Я открыл дверь и вошел в отделение. Да, раздражали меня когда-то металлоискатели на каждом шагу, а без них как-то непривычно...

– Вы к кому? – хотя было еще утро, дежурный за стеклом выглядел уставшим.

– Я в отдел кадров. Там насчет меня должны были предупредить, Данилов моя фамилия, – сказал я, протягивая паспорт. Впервые в своей новой жизни я предъявляю документ должностному лицу. Как бы еще здесь каких-нибудь сюрпризов не возникло...

Дежурный пожевал губами, как будто размышляя, пропускать меня или нет. Впрочем, мой паспорт, кажется, не вызвал у него ни малейшего интереса.

– Третий этаж, направо, – наконец выдал он, возвращая мне документ.

Женщина средних лет в кадровом отделе выслушала меня не то, чтобы равнодушно, но, я бы сказал, с какой-то обреченностью.

– Я вам сейчас дам направление, – скрипучим голосом сказала она. – Только вам нужно будет в соседнее отделение проехать, там начальник сидит, его фамилия Пименов, он все скажет. Это недалеко, минут десять на трамвае.

Я удивился. Это милиция или дворницкая? А где же проверки, собеседования, анкеты? Ну хотя бы сдача нормативов?

– Простите, – осторожно начал я. – А что, вы вот так меня сразу на работу направляете? Не проверив мою подготовку, опыт, биографию, в конце концов?

– Это все потом, – вяло ответила кадровичка. – На счет вас позвонили. Значит, уже не с улицы. Хотя у нас тут такой дефицит людей, что, по-моему, скоро и с улицы брать будем. Думаете, все прямо мечтают у нас работать? На такую-то зарплату да с таким графиком? Да у нас тут такая текучка – я всех запомнить не успеваю! Как только увидят какой-нибудь другой вариант – сразу рапорт на увольнение строчат. Так что вот вам направление, езжайте да устраивайтесь ради бо-

га.

С этими словами женщина уткнулась в какой-то журнал, очевидно, потеряв ко мне интерес.

Вообще отделение выглядело довольно мрачно. Ремонта тут не было, похоже, со дня сдачи здания строителями. Я решил пройтись по отделу и понять, в какой обстановке мне предстояло работать. Облупленные стены, скрипучий пол, обшарпанная мебель, потрепанная временем наглядная агитация... Да и люди в основном выглядели уставшими и замученными, с погасшим взглядом – во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление от тех, кого я встречал в коридорах и кого успевал увидеть за открывающимися дверями кабинетов. Было такое ощущение, что их направили сюда по остаточному принципу – как будто бы больше они нигде негодились, и теперь переживали свою никчемность и бесполезность своего труда. Правда, промелькнуло пара живчиков, державшихся бодрячком, но на общем фоне они были каплей в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.